

Михаил Александрович Михеев

Стрелок

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5827911
Стрелок: Центрполиграф; М.; 2013
ISBN 978-5-227-04418-1

Аннотация

Лихие девяностые играли человеческими судьбами, как ветер листьями. Молодой, но многообещающий спортсмен, вместо того чтобы завоевывать медали, зарабатывает стрельбой по движущимся мишеням, не особенно тяготясь работой киллера. Однако в один прекрасный день перед ним встает выбор – или работа на спецслужбу, или вполне реальные проблемы с летальным исходом. И он, соглашаясь, меньше всего ожидал, что его ждет карьера разведчика иных миров...

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Михаил Александрович Михеев

Стрелок

Часть первая

ДЕНЬГИ РЕШАЮТ ВСЕ

*– Я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?
– Ты прекрасна, спору нет, убери свой пистолет...
Когда дуло смотрит в нос – риторический вопрос.*

Из народного творчества

Говорят, Одесса – это не город, а улыбка Бога. С точки зрения Александра Колобанова, лежавшего на крыше и неспешно подкручивавшего маховичок оптического прицела, это было не совсем правильно. Не улыбка, а ухмылка, причем, как он считал, презрительная. Во всяком случае, ни один знакомый одессит уважением у Александра не пользовался. Может быть, ему просто не везло со знакомыми, но восприятие жизни состоит из штампов, и потому, пообщавшись с несколькими местными жителями, Колобанов заочно проникся стойким отвращением к городу, в котором никогда не бывал. Иррациональность своей реакции он вполне осознавал, но бороться с ней не пытался – ему, если честно, было все равно. Дел в этом городе Александр не вел и не планировал, а если нужда когда-нибудь, в будущем, заставит там оказаться – ничего, перетерпит. Именно поэтому, узнав, что очередной клиент – одессит, Александр даже и не подумал сделать заказчику скидку. С чего бы? Оплата по таксе. Любой труд должен быть оплачен, тем более если работа связана с риском. Хорошо еще, в Одессу ехать не пришлось – объект сам приехал к ним, в русскую провинцию.

Ну что же, а вот и клиент. Прошуршал колесами «мерседес»... Наверняка прошуршал, вот только Александр этого, разумеется, не услышал. Полтора километра в центре города – очень немало, источников шума здесь в пять слоев и с горкой. Пожалуй, заглушат не только тихий шум покрышек элитного авто, но и лязг танковых гусениц. Но шум – не помеха, а, скорее, союзник, как и аккуратный глушитель на стволе винтовки...

Клиент неспешно вылез из машины. Невысокий, пухлый, лысоватый, с огромным мясистым носом. Повернулся в профиль, позволив рассмотреть острохарактерное ухо. Вот туда, в это ухо, Александр и загнал пулю калибра двенадцать и семь десятых миллиметра. Не такой уж сильный, хотя, конечно, ощутимый и резкий толчок в плечо – и положительный результат в виде мозгов на стене гарантирован. В этом заключался талант, возможно, дар Александра – он никогда не промахивался. Ну а одессит... А что одессит. Сидел бы в своей Одессе, глядишь, не словил бы пулю.

Выстрел был хорош. Даже жаль, что оценить некому – пуля такого калибра разнесла голову клиента на мелкие осколки, но это уже не важно. Главное, дело наполовину сделано, осталась вторая часть – уйти незамеченным.

Аккуратно, спокойно, неспешно, как и все, что он делал в жизни, Александр разобрал винтовку, сложил в чехол, подобрал гильзу и неторопливо покинул здание. Ему не надо приотворяться спокойным, он и вправду не нервничал, это было одним из секретов его неуловимости. Охотятся не на уважаемого бизнесмена, а на того, кто стремится быстрее скрыться, залечь на дно. Ну, не совсем уж уважаемого: пара магазинов строительных материалов – это ниже среднего, но все же поведение Александра соответствовало подобному типу, точнее, человеческому о нем представлению. «Паджеро» (до кружака еще не дорос), регулярное посещение средней руки ресторанов, время от времени сауна с девоч-

ками, квартирка для любовницы, которая ему изменяет... Последнее Александр знал абсолютно точно, равно как знали другие. И замечательно, пусть и дальше считают его недалеким человеком, любителем выпить и закусить. Идеальное прикрытие! Разве что молодой... Ну, тут уж ничего не поделаешь, да и по нынешним временам, когда молодых да ранних хватает, не такой уж это недостаток. К тому же еще «чистый», ни одной ходки на зону, никакого явного криминала. Точнее, он есть, но мелкий, такой, без которого в нынешнее время не обходится ни один деловой человек, кропающий свою невеликую денежку. В общем, серая, ничем не примечательная селедка в аквариуме с бизнес-рыбами всех пород. Вверх не стремится, знает свое место в этой жизни, не пытается переходить дорогу тем, кто старше и сильнее. Даже положенную дань местному бригадиру, Паше Рябому, платит исправно, спокойно и терпеливо снося его плебейские шуточки. Паша Рябой обделался бы со страху, если бы узнал, кого посмел обложить данью, но вот как раз этого ему знать совершенно не стоит. Пусть его – невелики деньги.

Внизу, недалеко от подъезда, хотя и не слишком близко, чтобы не раздражать местных обывателей, стояла неприметная «семерка», слегка побитая, в меру поцарапанная. Цвет белый, но сейчас от белого осталось одно воспоминание – что поделаешь, улицы городов в межсезонье чистотой не блещут, а белый цвет, наверное, самый маркий. Абсолютно неприметная тачка, главное, не угнанная, искать ее не будут. Из подделок только наклейки на номера, которые снимаются в течение пары минут. Надо только найти безлюдное место, но это как раз несложно – рекогносцировка проведена заранее, пути отступления намечены, место, где номера вновь станут настоящими, определено.

Мотор завелся с полоборота. Хороший движок, хоть и родной, но за ним Александр следил сам, никому не доверяя, – механиком он был вполне приличным, с детства у отца почти в таком же агрегате копался. При должном уходе родные вазовские движки способны служить черт-те сколько и, кстати, вполне надежны. Конечно, комфорт в машине не тот, что в «мерседесе» или, к примеру, «ниссане», но для разовых выездов, таких как сейчас, когда важнее неприметность, совсем не помеха. Отсутствие кондиционера или бортового компьютера перетерпеть не сложно, а загнав машину в гараж, можно без особых проблем вернуться в свою обычную жизнь, где под задницей удобное кожаное сиденье внедорожника и красивые девушки приветливо улыбаются тебе, а не кривят губы в сторону пролетария, рассекающего по городу в потрепанной «нашемарке».

Неспешно прогрев двигатель (почти час стояла, а на улице не май), Александр, не особенно торопясь, выехал со двора. Помахал рукой по-осеннему одетым бабулькам, которые, сидя на лавочке, перемывали, а заодно и перетирали косточки соседям. Нормальная ситуация. Они если кого и запомнят, так только мастера, который приходил делать профилактику телевизионным антеннам, в большом количестве оккупировавшим крышу. Дома здесь не новые, так что антенны сохранились еще со ставших уже полуполюгендарными советских времен, вытесняемые постепенно спутниковыми тарелками, но пока что стойко держащиеся и не сдающие своих позиций. В такой ситуации визит человека, который проверяет их состояние, выглядит достаточно естественно, а подобные люди воспринимаются скорее как предмет мебели и не особенно запоминаются.

Впрочем, это так, перестраховка. За все время, насколько было известно Александру, милиция еще ни разу не обнаружила место, с которого он стрелял. Еще бы, попасть с полутора километров если и не невозможно, то, во всяком случае, крайне сложно. Впрочем, он и с двух, бывало, работал... Снайпера, который всегда стреляет один раз и никогда не промахивается, ищут намного ближе, поскольку никто даже предположить не может существования такого уника, как Александр. О том, что он уника, Александр знал, отдавал себе отчет, не пытался гордиться или, к примеру, испытывать чувство превосходства по отношению к окружающим. Да, он лучше других стреляет, но ведь кто-то может превосходить его в чем-

то еще. Например, в умении зарабатывать деньги, в мастерстве пускать мыльные пузыри. Ерунда, конечно, но ведь превосходят же, поэтому стоит быть осторожным, не зазнаваться – мало ли на что нарвешься. Некоторые таланты порой куда опаснее, чем доведенное до совершенства мастерство выпускания колец табачного дыма изо рта.

Сменив номера и не торопясь выехав на дорогу, Александр поехал к гаражу. Ехал так же, как и остальные – где-то чуть-чуть превышая, где-то не совсем правильно перестраиваясь, однако в меру. Сейчас, когда милиция уже стоит на ушах, но не начала еще всерьез перекрывать дороги по всему городу, лучше всего не выделяться. И лихач, и чересчур аккуратный водитель привлекают внимание, а серый человечек растворяется в серой массе себе подобных. Меньше опасности, что остановят, устроят шмон. Пусть и формальный, но шмон. Могут по собственной глупости и неуклюжести найти тайник с винтовкой. Иногда дуракам и неумехам, пусть редко, везет сильнее, чем профессионалам, которых в органах становилось все меньше. Профи уходили на вольные хлеба, охранять банки, магазины, кто посерьезнее – крутых дядей с большими деньгами. Конечно, вероятность невелика, но мало ли – зачем рисковать? Александр вообще рисковать не любил и от адреналина в крови не тащился, потому не старался быть круче, чем следовало. А то вон идут в спортзалы – карате-самбо-бокс, двести кило от груди и прочие радости жизни. И какой, скажите, в этом смысл? Он, если потребуется, положит любого с безопасной дистанции и уйдет незамеченным. Пуля в голову – лучший прием в рукопашной. Нет, разумеется, Александр и сам тренировался понемногу, но больше для себя, чтобы форму поддерживать. Ну, еще от пары случайных хулиганов, случись что, отмахаться. Случайности – штука такая, можно нарваться, где не ждешь, но нагружаться сверх необходимого минимума он не хотел. К тому же ложное ощущение собственной крутизны может толкнуть в перспективе на необдуманные поступки. Оно надо?

Без особых проблем и нервов проскочив посты ГАИ, наскоро выставленные по плану «Перехват» (интересно, они по этому плану хоть кого-то перехватили?), и полюбовавшись на инспекторов, напяливших бронежилеты, Александр выскочил за оцепленную территорию. Постоял в небольшой пробке, обматерил какого-то до невозможности крутого сопляка на помятой бэхе. Словом, все как всегда. Сорок минут спустя он уже был возле гаража, столь же невзрачного, как и машина, которая в нем обычно стояла. Один из множества таких же в длинном ряду. Обшарпанные, сложенные из начавшего шелушиться и осыпаться от воды кирпичика стены. Деревянные ворота, обитые железом, когда-то покрашенным в красный цвет, а ныне красным от ржавчины... Убожество, как и везде.

Помахав рукой соседу, вяло копающемуся в движке своего убитого жизнью и русскими дорогами «Москвича», Александр открыл замок и распахнул ворота. Они даже не скрипнули – петли были хорошо смазаны. Загнав машину внутрь, он закрыл ворота изнутри и только после этого зажег свет, позволивший разглядеть нехитрую обстановку. Несколько полок, точило с порядком убитым кругом, какой-то хлам, в общем, все как у людей. В подвале тоже были полки, только заставленные ящиками с картошкой и банками с грибами-солениями-вареньями. Таков уж русский человек – даже если обеспечен, все равно будет задницей кверху пахать на даче или собирать в лесу ягоды. В этом смысле поведение Александра не вызывало ни у кого удивления. Больше того, он только в этом году пару раз выезжал за грибами с очень серьезными и в определенных кругах уважаемыми людьми. Вполне нормально съездили, кстати.

Сейчас, правда, Александра интересовали не банки, а куча хлама, в которой он без особых ухищрений спрятал свой рабочий инструмент, предварительно хорошенько его вычистив. Ну, вот и все, можно идти домой, наслаждаться заработанным отдыхом. Пятнадцать минут неспешным шагом до стоянки, а там уже нырнуть в прохладно-уютное нутро своей машины, включить музыку и расслабиться. Таинственный, разыскиваемый полицией города

на протяжении последних лет киллер, с легкой руки журналистов получивший зловещее прозвище Призрак, возвращался к привычной жизни.

Дом, точнее приличная трехкомнатная квартира на втором этаже «сталинки», встретил его тишиной и пустотой. Александр слишком уважал собственное личное пространство, чтобы пускать в него кого-то еще. Любовнице он снимал квартиру, а если хотел кого-то пригласить, не важно, женщин или знакомых, вел их на другую квартиру, тоже принадлежащую ему. Сюда же не приходил никто, эту берлогу Александр держал исключительно для себя, любимого.

Спокойно и неторопливо, как и всегда, раздевшись, Александр повесил одежду в шкаф и, закрывая раздвижную дверь, походя бросил взгляд в укрепленное на ней зеркало. Оно показало то же самое, что и всегда – среднего роста шатен, в меру крепкий, в меру гибкий. Неопределенного возраста, без особых примет, костюм недорогой и неброский... Глазу не за что зацепиться, такой человек, мелькнув в толпе, исчезает в ней, мгновенно растворяясь и не оставляя отпечатка в памяти. Единственное, что портит впечатление, глаза – спокойные, даже излишне, но это мало кто заметит, он привык держать веки чуть опущенными. Словом, идеально мимикрирующее под общество, в котором оно живет, существо.

Сунув ноги в мягкие растоптанные тапочки, Александр прошел в спальню, быстро переоделся и уже через десять минут нежился в ванне. Поплывать так он любил – у каждого свои слабости, в том числе и у него. Главное, чтобы делу не мешали. А главное, горячая ванна снимает стресс лучше любой водки, проверено. Конечно, сейчас никакого стресса он не испытывал – сегодня была обычная, рутинная работа, не то чтобы каждый день такая, но и не слишком редко. Каждые два-три месяца находится кто-то, кому Призрак всаживает в голову тяжелую, идеально сбалансированную пулю, так что привык, чего уж там. Зато первый раз он полез в ванну, потому что его буквально колотило, и, как ни странно, это помогло. С тех пор причина исчезла, а традиция после каждого дела лезть в ванну осталась.

Да, каждое дело, даже столь грязное, как у него, со временем обрастает традициями, приметами и прочими суевериями. Хотя, с другой стороны, что-то в этом было – вера на пустом месте не создается. Александр верил в Бога. В церковь не верил, считая ее организацией, без всякого на то основания присвоившей себе право говорить с людьми от имени высшего существа, а вот в Бога верил. В общем, в церковь не ходил – чего он там не видел? Толсторожих святош? Да ну их, кому они нужны, если честно... Хотя, конечно, среди них встречаются по-настоящему верующие и пытающиеся помогать страждущим люди, но общей картины это не меняет – остальные как освящали «мерседесы» и бордели, так и дальше будут на этом легкую монету сшибать. Получающая же свой процент церковная верхушка зажалась вконец, а это всегда ведет к краху. Кроме того, Александр не был уверен, что Богу так уж нужны человеческие молитвы. Мы ведь не обращаем внимания на муравьев. И потом, сотрудничество всегда должно быть взаимовыгодным. Если бы Бога впрямь интересовало, как живет каждый отдельно взятый человек, Он бы тогда помог...

Александр поморщился, отгоняя нахлынувшие вдруг воспоминания. Ну да, он не всегда был стрелком. Когда-то в сопливом детстве, как все, жил в стране под названием СССР и вполне этим довольствовался. Конечно, не все и не у всех было, некоторые были чуть равнее, чем другие, но все же жили неплохо. Во всяком случае, о куске хлеба задумываться не приходилось. Потом грянул ГКЧП – и все, понеслась моча по трубам, выплеснувшись в виде демократии, ваучеров и новых русских.

Наверное, Александр бы как-нибудь приспособился ко всему этому. Другие же приспособились – и ничего, вполне нормальные обыватели выросли. Кто выжил, разумеется. Но получилось так, что у него на руках оказались больная мать и спившийся от безнадеги отец. Матери требовались деньги на лечение – даже лекарства из аптеки их семье оказались не по карману, а ей требовалась операция. В Германии, Израиле, еще где-то, только не в Рос-

сии. Здесь таких просто не делали, да и уровень медицины, и без того далеко не блестящий, падал на глазах.

Увы, он, четырнадцатилетний мальчишка, просидел весь день на приеме у депутата только лишь для того, чтобы увидеть лощеного и вальяжного дядьку с золотым перстнем на пальце и услышать, что фондов нет и не будет. «Вы, молодой человек, сами видите, что на дворе творится, молодые демократические силы бьются с тоталитарным наследием». Он тогда ушел, но запомнил все. И еще ему хватило ума кивать, стиснув зубы, и ничего не говорить в ответ. А на следующий день из тира, в котором он занимался, подающий надежды спортсмен-юниор по имени Александр позаимствовал мелкокалиберную винтовку – уже тогда не промахивался.

В те годы, на заре лихих девяностых, стрельба еще не слишком распространилась. В основном заниматься предосудительными делами вроде мелкого рэкета и крышевания рынков шли крепкие ребята, часто бывшие спортсмены, умеющие работать кулаками. Борцы, боксеры, доморощенные каратисты, бывшие десантники и прочие, насмотревшиеся американских и гонконгских боевиков крутые парни местечкового разлива с накачанными при помощи стероидов мускулами. Даже песню про них сложили «Мы бывшие спортсмены, а ныне рэкетмены». Стрелков было мало, да и использовать для разборок оружие тогда не то чтобы боялись – не принято было. Просто к тому времени еще не сложилось нужного стереотипа, не упала ценность человеческой жизни ниже плинтуса.

Охрана у депутата соответствовала времени – четыре лба с широкими плечами и в костюмах, сидящих на них как на корове седло. Более чем достаточно в случае наезда мелкой шпаны, серьезные люди своего карманного депутата не тронут, у них симбиоз. Дисциплина у «великолепной четверки» была соответствующая, и подловить их по одному на деле оказывалось совсем не сложно, тем более Александр действовал тогда с недетским хладнокровием. Сложнее было выбирать моменты таким образом, чтобы остальные не видели, куда подевался очередной их товарищ, но и с этим он справился. Ну а звук выстрела мелкашки совсем негромкий, и, если стрелять издали, никто не услышит. ТОЗ-12 отнюдь не откровение в оружейных технологиях, зато надежен и точен, что еще надо?

Он положил охрану, когда депутат приехал со своей очередной пассией на дачу, предусмотрительно построенную далеко на отшибе. В сауну. Тогда это было прямо-таки атрибутом преуспевающих мерзавцев, а пора, когда их начали там снимать на видео и потом размахивать компроматом, трясая грязным бельем с экранов телевизоров и газетных страниц, еще не пришла. Тут, очевидно, депутат, имя которого Александр сейчас даже и не помнил, чувствовал себя в безопасности – высокий забор, накачанные защитнички... О том, что совсем рядом роща и в кроне березы, в развилке толстого ствола все еще крепкого, хотя и старого дерева, может засесть снайпер, он, естественно, не подумал. Ну а то, что оружие слабенькое... Из мелкашки, если бить в висок или глаз, убить не так уж сложно. Есть и другие места, но тогда Александр их не знал, да ему и этих хватило. Густая зеленая крона, правда, мешала, но не то чтобы очень, и через десять минут после первого выстрела все было кончено.

Во двор он зашел спокойно, о такой роскоши, как видеокамеры, представление кое-кто имел, но провинциальному ли депутату их ставить. Не по чину, так сказать. Ворота, конечно, были заперты, однако через забор перебраться несложно. Хорошо еще, собак не было. Так, двор как двор. Тогда еще не у всех водились буржуйские штучки вроде сада камней или стилизованное под Древнюю Русь подворье, и здесь было просто, без затей – место для пикника. Рядом с двухэтажным особнячком в английском стиле это смотрелось убого.

Дверь была не заперта – ну и правильно. Как она закроется, если последний из незадачливых охранников лежит на пороге, половина тела внутри, половина – снаружи? Естественно, никак. А так лежит, будто перепил, только на виске маленькая дырочка. Даже почти без крови.

Не без внутреннего содрогания перешагнув через тело, Александр вошел в дом. Первый этаж... Тут делать нечего, разве что полюбоваться на огромный, он таких никогда не видел, телевизор в холле. Настроение только не то, чтобы любоваться, так что, не теряя даром времени, парнишка быстрым шагом отправился искать лестницу. Зачем лестницу? Все очень просто, развлекался депутат, скорее всего, на втором этаже. Свет, во всяком случае, горел только в холле и на втором этаже, только там он был мягким, приглушенным – в самый раз для спальни. Стало быть, искать этого орла стоило в первую очередь там, как ни удивительно, мозг работал невероятно четко, любой взрослый обзавидуется, никаких комплексов Александр не испытывал. У него было дело, и он намерен его сделать, потому что от результата слишком многое зависело.

Расчет оказался верен – в комнате с интимным освещением обнаружилась пыхтящая парочка. Александр толкнул дверь, она открылась без скрипа, но предательский сквозняк заставил депутата обратить на вошедшего внимание. Он, видать, голову не терял даже, так сказать, в процессе. Обернулся и, выпятив рыхлый живот, прорычал:

– Какого черта...

Это были последние его слова. Палец нажал на спуск, и депутат навсегда покинул число слуг народа.

Девчонка, вряд ли старше Александра и, как отметил почему-то переключающийся на всякую чушь мозг, симпатичная, сжалась в углу кровати, открыв рот для крика. Парень спокойно поднес к губам палец, она закивала испуганно, но понятно и со скоростью молнии нырнула под кровать. Очень хорошо, тем более что винтовку надо было еще перезарядить. Знай она, что вошедший в тот момент фактически безоружен, еще неизвестно, как обернулось бы. А так...

Александр не стал тогда стрелять. Рука не поднялась – ошибка, непростительная профессионалу, но вполне объяснимая для новичка. Впрочем, она все равно ничего толком не увидела – одетая в темное фигура в полумраке, на голове вязаная шапка, натянутая до подбородка, с прорезями для рта и глаз. Мы тоже, как говорится, не из диких мест, боевики американские смотрим... Сейчас бы он, конечно, выстрелил, тогда – нет.

В том доме он сумел набрать около двухсот тысяч долларов, тысяч пятьдесят марок и много рублей – их Александр даже считать не стал. Неплохо живут депутаты! Винтовку спрятал, наслышанный, что по пуле определить оружие несложно. Прибрал деньги и, что называется, лег на дно, каждую минуту ожидая, что за ним придут. Не пришли, только через неделю позвонил тренер и, не стесняясь в выражениях, поинтересовался, почему его подопечный не ходит на тренировки. Соревнования на носу, а он... Дальше нецензурно, но вполне понятно и доходчиво.

Когда шумиха утихла, а произошло это через пару месяцев, Александр молча принес матери деньги. Сказал, что выиграл. Мать пожурила, но... Но она выжила, и это главное. Оперировали в Германии, и операция прошла вполне успешно. Повезло.

А в тире обнаружилось, что винтовка, оказывается, никуда и не пропадала. Стояла, значит, на месте... Другая винтовка, Александр определил это сразу же, хотя номер был тот же. Как так получилось, он не смог понять. Впрочем, тренер их был мужиком со связями, мало ли что он мог и не мог. А вот замок на оружейном шкафу висел теперь другой, заковыристый, и ключа к нему было не подобрать.

Так бы, наверное, он и заставил себя забыть о происшедшем, если бы через два года, когда Александру исполнилось шестнадцать, Николаич, его тренер, не подошел и не сказал открытым текстом: дескать, тебя, парень, в одном щекотливом деле прикрыли, теперь изволь отрабатывать. Парень несколько минут подумал, оценил свои ощущения, понял, что неприятия это предложение у него не вызывает, моральные барьеры тоже не стоят, и согласился.

Вот так и родился киллер по прозвищу Призрак, человек, убивающий легко и непринужденно, не испытывающий от этого ни радости, ни стресса. Работа как работа, не более того.

В армию он не пошел. Точнее, косить не пытался, но Николаич сказал, что нечего там делать. Александр пожал плечами, и добрый дядя военком, получив пачку бумажек с изображением американских президентов, тут же нашел причину, по которой парень призыву не подлежал. Ну и ладно. Благодарности к государству, сделавшему его таким, каков он есть, Александр не испытывал ни малейшей и подставлять лоб под чужие пули на полыхающем Кавказе или впроголодь жить в каком-нибудь дальнем гарнизоне не собирался. «Я никому ничего не должен, потому что ни у кого ничего не занимал» – стало его жизненным кредо.

Телефонный звонок вырвал Александра из нирваны и отвлек от воспоминаний. Пришлось пару минут посидеть, приходя в себя и надеясь, что его оставят в покое, но телефон продолжал звонить. Тот, кто расположился на другом конце провода, хорошо знал: хозяин квартиры дома. Пришлось, не открывая глаз, пошарить рукой и найти трубку.

– Привет, бизнесмен! Что так долго идешь? Я тебя что, с бабы сорвал? – раздался в ней навевающий неприятные ассоциации голос. Да и кто еще может испортить отдых? Паша Рябой, собственной персоной. И что, спрашивается, этому стручку надо? Этот вопрос Александр озвучил, разумеется, вежливо и чуточку подобострастно. Из роли трусоватого бизнесмена выходить пока нежелательно.

Рябой в своей излюбленной нагло-веселой манере изложил, чего он хочет. Гопник, конечно, потому выше бригадира и не поднялся, да и не особо стремился, наверное. Именно своими повадками мелкой шпаны он Александра и раздражал. Однако, несмотря на раздолбайский голос, вещи этот долбочес говорил серьезные. Во-первых, напоминал, что через три дня положено вновь платить. Против этого у Александра возражений, в принципе, не было. А вот то, что во-вторых, ему решительно не нравилось. Проще говоря, ему сообщили, что ставки подняты и платить «крыше» теперь нужно на четверть больше. Это была уже наглость, похоже, незабвенный друг Паша начал терять чувство реальности. Глупо с его стороны считать, что людей можно гнуть через колено как угодно. Люди – они ведь, того, обидеться могут.

Откинувшись на спину и по шею погрузившись в успокаивающе-горячую воду, киллер по прозвищу Призрак начал быстро прокручивать в голове варианты. Платить? Не дождутся. Не денег жалко, хотя такие выплаты сделают бизнес едва-едва рентабельным, просто стоит дать слабину сейчас – в следующий раз потребуют больше, а значит, надо срочно что-то решать. Не дали расслабиться, сволочи...

Быстро перебрав в уме варианты, он остановился на самом простом. Если в двух словах, Рябого надо было валить, и чем быстрее – тем лучше, причем сделать это так, чтобы никто не подумал искать Призрака. То есть никаких винтовок и столь любимых им дальних дистанций. Того, что будут подозревать трусоватого бизнесмена Колобанова, он не боялся совершенно – у Паши хватало врагов куда серьезнее. Вот на них пусть и думают. В идеале вообще свалить это на женщину. Те любят пользоваться ядами, а их Александр изучал тщательно, он считал – для того, чтобы добиться наилучших результатов в работе, надо быть как можно более эрудированным и подготовленным как теоретически, так и практически. Мало ли что потребует и когда пригодится. Профессионал он, пусть и самоучка, или так, погулять вышел? Вот только те женщины, которых любил пользоваться Рябой, для подобного слишком примитивны, и чересчур интеллигентный способ убийства бросится в глаза любому следоку. Можно, конечно, подобрать яд, который сведет обидчика в могилу так, что никто и не поймет. Он вообще умрет через месяц. Но дело надо сделать сегодня-завтра, край – послезавтра. Ядов же, которые отправят приговоренного на тот свет быстро и бесследно, под рукой не имелось. Нож или удавка тоже интересные варианты, но они предполагают близкий контакт с клиентом и кучу сопутствующих рисков, а этого Призрак всеми силами

старался избегать. К тому же он еще никого не убивал таким образом и владел всем этим на уровне тренировки. Сколько раз стрелял – уже и сам не помнил, отравление организовывал, правда, всего одно, а своими руками не пробовал и, честно говоря, не хотелось ему такой радости. Да и наследить можно запросто... Стало быть, оставался пистолет.

Того, что смерть бригадира милиция будет расследовать с особым рвением, Александр не опасался. Во-первых, она к смертям таких вот Паш относилась со стойким пофигизмом. Мол, чем больше бандюки друг друга перемочат, тем лучше. С таким подходом Александр был в корне не согласен. Безусловно, путем естественного отбора выживают сильнейшие, и можно взрастить таких акул, мало не покажется. Однако, находясь с законом по разные стороны барьера, сам помогать ему ничуть не спешил. Если доблестная милиция не понимает простых вещей, это только ее проблемы.

Во-вторых, Рябой – дурак и поссорился со многими. Соответственно, очень легко будет повесить его смерть на криминальные разборки и определить терпилу. Милиционерам это проще, чем уподобляться Шерлоку Холмсу и с лупой в руке обползать кверху задом половину города. Ну а они, как известно, любят простые пути.

Правда, оставался один неприятный нюанс. Сейчас в органах вроде бы пытались навести порядок. Избранный недавно президент, пришедший на смену Борьке-алкоголику, сам выходец из спецслужб и взялся за дело со свойственным молодости размахом, вот только пока этот процесс дойдет до провинции... В общем, Александр решил не волноваться раньше времени.

В тот же вечер Рябой, выходя из клуба под ручку с какой-то телкой (ноги от ушей и при том толстые, как колонны, символическая юбка, выкрашена под блондинку), судя по всему, из полупрофессионалок, приобрел две не запланированные природой дырки, обе смертельные. Одна – прямо в сердце, вторая – посреди лба. Еще куча пуль калибром семь шестьдесят два – куда попало, в их задачу входило сделать убийство максимально «грязным», словно работал какой-нибудь лопух из начинающих или отморозок, которому все равно, кого и как валить. Единственная несообразность – в этот раз никто не видел стрелка, правда, это и неудивительно. Началась паника, все забегали...

Интересно, какова была бы их реакция на то, что стрелок вел огонь с дистанции в сто восемьдесят семь метров, благо улицы пустые – народ просто боялся гулять в темноте, разрываемой лишь скудным светом редких фонарей. Милицейских патрулей тоже не было, очевидно, по тем же соображениям. Два ТТ с глушителями – китайское барахло, но на один раз хватит. Расстреляв обоймы, Александр просто ушел, запахнув длинный плащ и растворившись в темноте, как и положено настоящему призраку. Оставалось лишь разобрать стволы, облить детали спиртом, поджечь, уничтожая отпечатки пальцев. А потом неспешно прогуляться по безлюдной, как и все остальные улицы, набережной, периодически бросая в реку запчасти. Все, теперь пусть ищут, а он хочет спать.

По дороге к нему, правда, пробовали прицепиться какие-то малолетние придурки, которым не хватало то ли на сигареты, то ли на пиво, но как-то вяло, без души. А может, они были достаточно трезвыми и сообразили, что, если в лицо тебе смотрит дуло пистолета, лучше повернуться и сделать ноги. Иначе и убить могут, ножом не успеешь махнуть. Этот ТТ, третий, взятый с собой на дело, был «чистым». На нем не висело абсолютно ничего, зато в кармане лежало официально написанное заявление, что данный конкретный ствол Александр нашел и, как честный гражданин, несет в милицию. Он всегда так делал, когда шел вечером из дому – береженого, как известно, Бог бережет, а небереженого конвой стережет. Лучше уж иметь мелкие неприятности с милицией и лишиться не слишком дорогого ствола, если вдруг остановят, чем получить перо в печень от какого-нибудь малолетнего наркомана.

Дальше неспешное возвращение домой, не на ту квартиру, где он был до этого, а на вторую. Там у него сложилась устойчивая репутация «гулящего», поскольку и женщин он

водил часто и разных (ну а что делать – организм молодой, требует), и со знакомыми гудел. Не с друзьями, разумеется, друзей у него не было, а со знакомыми. Пили неплохо. Сам Александр меру свою знал, а ребята уж кто как, в меру своих мозгов. Но сидели, кстати, довольно тихо, и ночами не шумели вовсе, так что соседи относились к молодому бизнесмену снисходительно: мол, перебесится. Здесь на его приходы-уходы не обращал внимания никто, так что если идти, то как раз сюда.

Жил он на пятом, последнем этаже. «Твой дом был под самой крышей – там немного ближе до звезд...» Слова из песни как нельзя более отражали привычки Александра – он любил, когда никто не топает по потолку, любил находиться выше всех. Дом стоял на склоне высокого холма, поэтому из окна был великолепный вид на добрую половину города и лес за ним. В принципе, из-за этого раздолья Александр и оставался все еще жить в родном городе, а в Москву, Питер и прочие города ездил «на гастроли», маскируя это под деловые поездки. У себя работал довольно редко, не чаще раза в год. Гадить там, где живешь, не стоило, и тот, кто сообщал ему о заказах, прекрасно это понимал. Он был осторожен и умен, бывший тренер по стрельбе, а ныне важная шишка в мэрии. Николаич повидал в жизни многое, и сложившаяся ситуация его вполне устраивала, равно как и роль посредника, имевшего свой немалый процент с каждого трупа, оставленного Призраком. Возможно, кстати, крутил он дела не только с Призраком, но Александр во все, что его не касалось, благоразумно не лез. Меньше знаешь – крепче спишь, вот так-то.

Зайдя в паршиво освещенный подъезд хрущевки, Александр поднялся к себе, на ощупь (опять лампу пацаны соседа-алкоголика разбили, поганцы!) открыл тяжелую железную дверь и принялся. Н-да, с последней своей пассией он явно ошибся. Нет, так-то девочка была что надо, только обожала духи с тяжелым, сладким запахом, а Александр мог похвастаться великолепным обонянием. Снял он ее в клубе, где после четвертой рюмки многие чувства притуплялись, запах же в полной мере ощутил уже наутро. Аж голова заболела тогда. Думал, за те три дня, что он здесь не был, выветрится, оказалось – хрен. Теперь только и оставалось перетерпеть.

Хотя нет, зачем терпеть, если можно все исправить? Александр пошел на кухню, выудил из недр шкафа здоровенную банку «Нескафе». Гадкий кофе, чего уж там, но для сельской местности сойдет – он его держал в качестве НЗ на случай, если по какой-то причине не будет возможности купить нормальный. Выудил несколько пиал, сыпанул в них по паре столовых ложек коричневого порошка и расставил в комнатах и на кухне, после чего снова отправился в ванную, набирать ее, правда, не стал, просто принял горячий душ. Когда спустя полчаса он вышел, запаха духов не было и в помине, зато запах кофе распространился по всей квартире. Вот так-то, кофе запахи поглощает неплохо, а что дает взамен свой – так это нормально, он хоть пахнет приятно.

Кстати, о птичках. В том клубе Александра не любили, но уважали – он по запаху отличал поддельный алкоголь от фирменного. В результате пары разговоров на повышенных тонах, нескольких угроз и одной побитой морды они пришли к джентльменскому соглашению – ему наливали только настоящие напитки, а он, в свою очередь, не сообщал остальным, какую гадость они пьют. Теперь Александр мог прийти в этот клуб даже с насморком – проблем не было уже с полгода.

А девицу ту (кстати, как ее звали-то?) развезло, надо сказать, как раз от того, что ее коктейль смешали из чего угодно, только не из того, что положено. Ну и ладно, проехали.

То ли от запаха, то ли еще от чего Колобанова тут же пробило на пожрать. Сунувшись в холодильник, он с неудовольствием отметил, что ветчина, якобы качественная, за три дня превратилась черт-те во что. Зато яйца вроде бы оказались в норме, да и старое доброе сало в морозильнике ждало своего часа, равно как и мгновенно запотевшая бутылка водки. Подумав, сунул водку обратно, не хотелось, а вот универсальное мужское блюдо состря-

пал моментально и с аппетитом съел даже без хлеба – тот, оставленный в полиэтиленовом пакете, превратился в покрытый сине-зелеными пятнами плесени ужас.

Заморив успевшего разрастись до размеров анаконды червячка, он налил себе кофе и отправился в комнату. Их здесь было две, но дальнюю, снабженную отличной кроватью – траходромом и парой шкафов с вещами, Александр не любил. Зато ближняя, проходная, ему почему-то нравилась куда больше. Здесь, помимо прочего, находился еще и столик с мощным компьютером, последним писком аэйдэшных технологий в производстве процессоров. За этим компьютером Александр и провел следующие два увлекательных часа, рубясь в «Век парусников», после чего незаметно для себя отключился прямо на диване. И никакие мальчишки кровавые не мучили.

Следующие две недели прошли спокойно. Милиция о нем вообще не вспомнила, как, в принципе, и ожидалось. Пришли за данью от нового бригадира – он заплатил по прежней ставке, и никто не стал поднимать вопрос о повышении тарифов. Новый бригадир, немолодой уже мужик по кличке Кобра, хотя от кобры в нем были разве что брюхо, которое, при немалой доле фантазии, можно принять за капюшон, да очки, вел себя достаточно осторожно и не собирался рисковать, наживая врагов. В конце концов, неизвестно, кто заказал Рябого, и немного трусоватый Кобра решил подстраховаться. Правильно сделал, кстати: бывшему одесскому оперу, еще во время перестройки успевшему перебраться в Россию и там плавно свалить из органов в криминал, нельзя было отказать в здравом смысле. Правда, и добиться чего-то серьезного в жизни помешала излишняя осторожность – что в органах выше лейтенанта не дорос, что здесь только сейчас до бригадира дослужился, и привычка по-наполеоновски засовывать руку за отворот пиджака ничуть ему в карьере не помогала. Скорее вызывала насмешки. Зато не убили и не посадили – тоже своего рода достижение. Были, правда, у Александра некоторые подозрения, что не посадили как раз из-за прошлого. В смысле, остались у Кобры некоторые связи в органах, вот и постукивал, наверное, а милиция взамен прикрывала глаза на мелкие грешки бывшего коллеги, но подозрения к делу, как известно, не пришьешь, да и плевать честному бизнесмену на все это, если честно. Тем не менее Кобра был одним из тех людей, из-за которых Александр не любил Одессу. Все одесситы, не важно, настоящие или бывшие, с которыми он общался, производили на него впечатление особой формы нацистов. Проще говоря, будут улыбаться тебе, шутить... Но только для них если ты не одессит, то ты и не человек вовсе. Во всяком случае, не полноценный человек. Может быть, Александр ошибался, слишком мало он знал одесситов, всего четверых, если честно, тем не менее стереотип сложился, и никуда от него не денешься.

Хотя это все лирика, а пока Александр занимался своим легальным бизнесом. В последнее время он, кстати, начал приносить куда более серьезный доход, чем раньше. В стране наметилось некоторое подобие стабильности, и обрадованный народ тут же бросился реализовывать появившиеся у него деньги. В том числе многие стали довольно активно заниматься ремонтами, так что объемы продаж росли, а вместе с ними и доходы. Пожалуй, если так пойдет дальше, можно будет подумать о расширении бизнеса, а в перспективе и о прекращении карьеры стрелка. Доход стрельба по мишеням, конечно, приносит неплохой, однако перспективы у этой профессии не самые радужные. Правда, выйти из подобного бизнеса сложно, но ведь и он, Призрак, совсем не ангел, вполне способен за себя постоять.

Так что сейчас он занялся договорами, закупками, грузчиками, которые вместо того, чтобы работать, вечно норовили напиться... И ведь что обидно, те, кто помоложе, в большинстве хотят жить как можно лучше и чаще всего понимают: хочешь хорошо жить – работай, а хочешь работать – знай меру в водке. Но парадокс, без старшего поколения они не особенно-то и способны работать, профессия грузчика только на первый взгляд кажется простой, на деле же в ней, как и в любом деле, куча нюансов, которые можно узнать лишь с опы-

том. Вот и получается, без старшего поколения не обойтись, а оно, поколение это, выпить любит и, зараза, молодежь спаивает. И крутись как хочешь, прямо зла на них не хватает.

И это еще далеко не самое страшное из зол. Есть еще вороватые кладовщики, продавцы, которые почему-то ведут себя прямо как в советские времена и отказываются понять, что не они делают покупателю одолжение, а он им и, соответственно, не стоит смотреть на людей презрительно, а, напротив, по щелчку пальцев на цирлах к ним подскакивать. Ну, с этими проще – им можно, к примеру, зарплату срезать или вовсе отправить за порог, это тоже не фатально. Еще имеются всевозможные чиновники вроде пожарной охраны, которая закорючку не поставит, пока на лапу не получит, пусть даже у тебя все в ажуре. Или какой-нибудь хмырь с его новшествами в правилах торговли. Да те же братки, которых иногда хочется, плюнув на все, перестрелять без лишних разговоров. Словом, жизнь бизнесмена только кажется райской, на самом же деле она трудная и нервная. Деньги легко не даются, не зря же так много людей, ушедших в бизнес и даже чего-то достигших, впоследствии попросту спилось.

За все это время было всего два момента, всерьез заслуживающие внимания. Во-первых, Александр ухитрился затопить соседей. Случайно в общем-то вышло – мыл посуду (домработниц он не признавал) и забыл выключить воду, когда зазвонил телефон. Стоящая на сливе чашка не дала этой самой воде уйти в канализацию, и поток из переполненной раковины изрядно испортил соседям, живущим снизу, потолок. Пришлось долго извиняться и заплатить. Впрочем, соседи и без того собирались делать ремонт, так что сговорились быстро. Только настроение испортил и себе, и людям, конечно. Было неприятно.

Во-вторых, у него случился конфликт с местным представителем РПЦ, сиречь попом. К этой обряженной в рясы братии Александр, надо сказать, относился безразлично. То есть совсем уж их презирать мешало происхождение – прапрадед был священником, его приход располагался где-то под Рязанью. Точнее Александр не знал, да и не интересовался, если честно. Однако и любить их, тех, которые сейчас занимались святым бизнесом, было не за что.

Хотя в Бога верил. Не может же человек ни во что не верить. По сути, без разницы, в коммунизм, в Бога или в товарища Сталина, но хоть во что-то верить надо, иначе теряется смысл жизни. Однако каким образом человек может говорить от имени высшего существа – непонятно. Оно, если захочет, само обратится, напрямую, Ему посредники не нужны. Ну да ладно, их дела, их проблемы, но случай, когда в их городе собирали деньги на строительство церкви, расставил для Александра все точки над «і» окончательно и бесповоротно.

Было неприятно видеть, как бабульки откладывают деньги со своей невеликой пенсии, несут в церковь, а на следующий день сидеть со священником за соседним столиком недорогого ресторана. Потом святой отец и вовсе исчез, Александр точно знал, что он сбежал вместе с деньгами. Правда, деятели из РПЦ вроде бы лишили его сана, но, увы, никакого дела против него не завели. Что интересно, деньги на строительство церкви из своих закров не выделили, ограничившись тем, что прислали нового настоятеля в пока несуществующий храм. Так что бабульки снова урезали свои пенсии и что-то там построили. Не то чтобы Александр относился к ним с особым уважением, он вообще не уважал людей за возраст, только за дела, но жалко их было. Даже идея в голове возникла: поймать мерзавца и устроить ему несчастный случай, причем совершенно бесплатно, но концов найти не удалось. Единственно, сам себе пообещал, что ни копейки от него РПЦ не дождетя, но это было слабым поводом для гордости.

Так вот, ситуация сложилась комичная. На стоянке возле магазина, куда Александр завернул, чтобы пополнить запасы провизии в своем холостяцком жилье, его «паджеро» зацепила бэха. Слегка и зацепила, если бы Александр вышел на пару минут позже, он, может быть, матюгнулся бы, но ограничился тем, что заехал на сервис закрасить небольшую цара-

пину на бампере. Из-за такой мелочи терять время и вызывать ГАИ – себя не уважать. Однако произошло это, когда он, нагруженный пакетами с разными вкусностями, как раз выходил из дверей заведения, всеми силами пытающегося изобразить супермаркет. В принципе, и тут бы ничего страшного не произошло – на месте бы и договорились, но за рулем бэхи сидел как раз тот новый священник, что уже само по себе странно. Все же обычно священники ездят на «мерседесах» и только в пост пересаживаются на «ауди», а тут – БМВ. И, поганец, вместо того, чтобы остановиться и извиниться, он прямо из-за стекла перекрестил Александра и уехал. Вот тут молодого бизнесмена зло и взяло. Это что, спрашивается, за беспредел творится? Наворотил дел – отвечай. Разозлившись, он тут же набрал номер знакомого гаишника, и буквально через полчаса сидел напротив красного как рак священника и расписывался в протоколе. Тот, кстати, покраснел не от стыда, а от злости на то, что его, лицо, облеченное саном, кто-то смеет задерживать. Однако ума смолчать священнику все же хватило – понимал, если поднимется хай, то его, человека в этом городе нового, могут и попрессинговать. Вряд ли всерьез, но проблем будет изрядно. А вот обнаружившийся в одной машине с ним немолодой человечешка неприятной наружности прямо-таки слюнями все забрызгал, грозя обидчикам карами небесными. От него отмахивались, как от назойливой мухи, – по такому кадру, как говорят врачи, Кашенко плачет. Вдруг покусает еще, а шиза, говорят, заразна... Тем не менее он не унимался, и даже священник уже начал морщиться, утомленный его пылом. Финал вообще всех растрогал – этот умник, повернувшись к Александру, ткнул в него кривым пальцем и выдал:

– Я тебе анафему пропою. Трижды.

– Поющих дятлов не заказывал, – пожал Александр плечами. Эта фраза вызвала здоровый смех экипажа ДПС, но заткнуться невменяемого так и не заставила. В общем, еще минут десять он всех развлекал, и на пятнадцать суток его не закрыли только потому, что лень было возиться.

Однако всему на свете приходит конец, пришел он и отдыху на рабочем месте, поскольку вскоре на электронную почту свалилось письмо от Николаича. Опять дело, только на сей раз не с ликвидацией. Ногу одному сморчку надо было прострелить, причем так, чтобы не помер, кровью не истек и инвалидом не остался. Словом, ничего сложного, бывали и такие заказы. Зачем – не все ли равно? Призраку платят за выстрел, а не за глупые вопросы. Хуже другое – работа опять предполагалась в родном городе.

Смертельного, в принципе, тоже ничего, однако уж больно хорошо знал Александр человека, которого ему заказали погубить. Именно погубить – ничем другим, кроме акции устрашения, это быть не могло. Правда, Кольман, шустрый, толстоватый коротышка с венчиком коротких вьющихся волос вокруг блестящей лысины, был не из тех, кого можно вот так, запросто, щелкнуть по носу. Этот мужчинка – сволочной кадр, по слухам, близкий к небезызвестному олигарху, который только что свалил в Лондон и не собирается возвращаться. Александр его не любил, как, впрочем, не любил всех тех, кто небрежно измывается над нижестоящими и лебезит перед теми, кто выше. Но симпатии и антипатии мешают работе, поэтому Призрак заставлял себя вообще не думать о подобных людях, просто отделяя себя от них стеной отчужденности.

Увы, совсем забыть не получалось – в их маленьком городке Кольман слыл самым богатым человеком, не считаться с мнением которого не могли ни мэр, ни даже смотрящий. Остальные же бизнесмены вынуждены были с Кольманом вести себя предельно вежливо, хотя наверняка очень многим хотелось устроить ему несчастный случай, что вряд ли реально. Владелец единственного в городе НПЗ, а также всех заправочных станций, каких-то легально, каких-то через подставных лиц, Кольман имел столько денег, что мог строить всех остальных в три ряда. Поэтому и наняли Призрака: снайпер положит кого угодно, и никакая охрана не даст гарантии, что от него удастся защититься.

Все вместе это означало одно – начинается очередной передел, а в разборках подобного уровня мелкие сошки гибнут первыми. Александр не питал ни малейших иллюзий по поводу собственной значимости – жернова, которые начнут вращаться сразу после его выстрела, перемелют, как песчинки, людей куда более серьезных, чем киллер-одиночка. Но и откажаться было нельзя – в этом случае приговор ему вынесут автоматически, просто за то, что слишком много знает. Стало быть, придется работать, в этом случае шансов на выживание все-таки больше, да и Николаич не дурак, глядишь, выкрутятся, хотя, конечно, при случае стоило ему припомнить такую подставу. Хорошо еще, что деньги за новую работу полагались хорошие, намного большие, чем обычно, и это слегка подслащало пилюлю.

Однако, раз уж взялся, следовало обставить дело таким образом, чтобы никто его не заподозрил. Тут все просто – Призрак, как известно, работает из антинейперской винтовки с большой дистанции. На самом деле он работал по-разному, но то, что не вписывалось в картину, журналисты с ним не связывали, да и следаки, вероятнее всего, тоже. А значит, можно сыграть на смене оружия, подходящий ствол в закромах Александра имелся.

Есть такое оружие, считающееся устаревшим и уже незаслуженно подзабытое. А ведь когда-то с ним русский солдат прошел несколько войн, оно, конечно, не самое красивое, зато грозное и надежное. Да-да, мосинка, трехлинейка и еще несколько прижившихся в народе названий. Тем не менее, как бы его ни называли, по сути, ничего не менялось – трехлинейная винтовка, созданная в конце девятнадцатого века капитаном Мосиным, оказалась тем самым козырем, который был намерен использовать Александр. Пуля летела на три километра, разумеется, прицельная дальность намного ниже, но Призрак был уверен – с километра он точно не промахнется.

Естественно, оружие, которое он выбрал, лишь внешне заметно отличалось от первоначальной версии. Кроме мощной немецкой оптики, у винтовки из дополнительных опций была разве что насадка на ствол, рассеивающая звук и скрывающая вспышку от выстрела. Все это затрудняло обнаружение стрелка и позволяло надеяться на то, что и в этот раз его снова не засекут. Плюс обойма вставлялась иначе, чем на стандартном образце, но это уже так, мелочи.

Вторая причина, по которой Александр остановился на винтовке небольшого калибра, – необходимость нанесения ювелирной травмы. Тяжелая пуля его излюбленного оружия просто оторвала бы Кольману ногу, пуля же калибром семь шестьдесят два, или три десятых дюйма, работает куда аккуратнее. Проще говоря, скальпель вместо топора. Самое смешное, пробивная способность этих пуль колоссальна – рельс старого образца прошивает запросто. Дед в свое время рассказывал, как немцы в войну пустили на них трофейные французские танки. И пусть псевдоисторики, вроде Суворова-Резуна, пишут что угодно по поводу того, что их не было на Восточном фронте, Александр верил деду куда больше. Так вот, дед, пока был жив, рассказывал, что снайперы ухитрялись метров с трехсот – четырехсот расстреливать экипажи этого барахла прямо сквозь броню. Вполне возможно, так оно и было – французская техника Александра не впечатляла никогда.

Кстати, дед еще рассказывал, что и экипажи этих танков состояли из французов, да и среди пленных попадались частенько отнюдь не немцы. Только немцев, финнов, итальянцев и других, воевавших официально, как и положено, после допроса отправляли в лагеря, а французов и прочих бельгийцев вкуче с прибалтийскими националистами, прямо-таки обожающими служить в СС, отводили в ближайший овраг и там без лишнего шума расстреливали. Официальная история об этом, конечно, умалчивала, но деду Александр – в очередной раз – доверял больше, чем историкам.

В общем, с оружием он определился, оставалось решить насчет места. С этим оказалось едва ли не проще – Николаич передал целое досье на клиента, включающее, помимо прочего, информацию о его привычках. Проводить воскресенье за городом, на даче, точнее,

в трехэтажном особняке, выстроенном над рекой, в живописнейшем месте – это, конечно, здорово, но несколько лет подряд... Короче говоря, предсказуемость – синоним уязвимости. А что хрен туда подберешься – ну и что с того? Александр намерен работать вообще с другого берега, из леса, который, по идее, должен приглушить звук выстрела, а то над водой он разносится излишне далеко.

Откладывать дело в долгий ящик стрелок не стал – не в его правилах. Да, он не любил торопиться, но обстоятельность в мелочах вовсе не означала затягивание самого процесса. Как говорится, сделал дело – и баба с возу. Таким образом, в воскресенье рано утром Кольман, выйдя на берег полюбоваться шикарным видом, получил ту самую заказную пулю в ногу. Аккуратная, абсолютно не опасная для жизни сквозная рана – там вообще мало больших кровеносных сосудов – и потому не наблюдалось даже серьезного кровотечения. Зато было ощутимо больно, а значит, вполне доходчиво. Через два дня часть акций НПЗ была продана, и для бизнесмена, в принципе, проблемы закончились. Для Александра же с этого момента все только начиналось.

После того как прозвучал негромкий выстрел, Александр, убедившись, что сделал все как надо, быстро убрал оружие в чехол. Охотничий сезон уже закончился, но некоторые, наплевав на условности, еще постреливали, потому звук не привлек внимания. Тем не менее надо было сваливать. Подобрал гильзу, он быстрым шагом отправился к верной «семерке», и пять минут спустя уже бодро катил по дороге, разбрызгивая лужи. Километрах в двух, остановившись у болота, со вздохом похоронил в нем оружие – как ни жаль, но оставлять его у себя риск непростительный.

Однако уехать далеко ему не удалось. Едва он выехал с проселка на шоссе, как из-под земли материализовался шустрый продавец полосатых палочек, отчаянно размахивающий орудием производства. Пришлось остановиться – явно ведь денег состричь хочет. Ну, его тоже понять можно, кушать-то все хотят. Хотя, надо сказать, обидно – внедорожник почему-то тормозят реже и намного вежливее.

Небрежным шагом подойдя к замершим на обочине «жигулям», молодой гаишник, на вид не старше самого Александра, четко по уставу представился. Вот это Александру не понравилось сразу – не вяжется такое обращение с обычно нагло-хамской манерой поведения хранителей правопорядка на дорогах. Именно поэтому выходить из машины не стал, пусть это и не вполне вязалось с образом испуганного таким вниманием власти к своей персоне интеллигента. Только окно опустил и поинтересовался, в чем дело. В ответ последовало требование выйти из машины.

– В чем дело, командир? – Александр, уже чувствуя, что что-то пошло не так, нарочито медленно стал открывать дверь. Сейчас он выйдет и, если что, успеет вырубить этого самоуверенного юнца...

Он даже не успел сообразить, что произошло, – в лоб уперся ствол пистолета, причем не табельного «Макарова», а вполне себе АПС. Мозги еще медленно ворочались, соображая: обычному гайцу просто не под силу выхватить пистолет с такой скоростью, а какая-то отстраненная часть сознания уже вопила – ну не может у этого пацана быть с собой такого ствола. Однако ни ту ни другую мысль додумать он уже не успел.

– Лицом к машине! Руки на капот!

Поворачиваясь, Александр еще отчаянно пытался сообразить, что можно сделать в такой ситуации. В этот момент ему на затылок обрушилось что-то тяжелое и твердое. В голове сверкнули звезды, и мир погас.

Пришел он в себя от резкого запаха нашатыря. Дернулся непроизвольно, застонал, в голове будто перекатывался тяжелый, шероховатый металлический шар, то ли свинцовый, то ли чугунный. Спокойный, даже немного заботливый голос произнес:

– Не нервничайте, все в порядке. Выпейте вот...

Пока он пил какую-то дрянь, больше всего напоминающую растворимый аспирин, но со слегка непривычным вкусом, ему заботливо поддерживали голову, после чего помогли лечь поудобнее. Несколько секунд спустя он вновь провалился в небытие.

Когда Александр снова пришел в себя, то первое, что сделал, открыл глаза, поймав себя на мысли, что в прошлый раз даже не попытался этого сделать. Вторым был страх, что он ослеп – не было видно решительно ничего. Однако почти сразу же зажегся неяркий свет, и Александр понял, что просто лежал в крошечной темноте. Лишь после этого ощутил, что голова не болит совершенно, но удивиться не успел.

– Ну, Александр Викторович, как вы себя чувствуете?

– В норме, – ответил он, осторожно поворачивая голову на звук и пытаясь рассмотреть собеседника.

– Это хорошо. Впрочем, иначе и быть не могло, у нас хорошие лекарства. Куда лучше импортной дряни, которой вас сейчас потчуют. Да вы не таитесь, не стоит. Обернитесь, осмотритесь. Все равно ничего не увидите – я в соседней комнате, разговариваю с вами через микрофон. Но вы все равно осмотритесь, так вам будет спокойнее. Сейчас я включу нормальный свет, потому рекомендую зажмуриться, а то будет немного больно глазам. Ну, готовы?

– Готов, – буркнул Александр, последовав совету и смежив веки. В ту же секунду зажегся свет, пробивающийся даже сквозь ресницы. Тем не менее не слишком яркий, и уже через несколько секунд, когда зрение адаптировалось, Александр смог осмотреть помещение.

Осматривать, правда, было нечего. Четыре стены, на одной из которых можно различить почти сливающиеся с ней цветом очертания двери, из мебели только койка, на которой Александр лежал. Еще динамик в углу у потолка – и все. Классическая больничная палата. Ах да, еще стул рядом с кроватью, на котором аккуратно уложена его одежда, чистая и отглаженная.

– Ну что, осмотрелись? – спросил голос без всякой усмешки, скорее с некоторым, едва уловимым сочувствием. – Тогда одевайтесь и выходите, вас проводят.

Не особенно раздумывая, Александр последовал рекомендации. Да ему ничего другого и не оставалось – человек, который с ним разговаривал, явно владел ситуацией, в то время как сам он ничего пока не понимал. Ну а страх... Самое интересное, страха Александр не испытывал – если бы захотели, успели грохнуть раз десять, а то и больше. Просто пока он лежал без сознания, а то и прямо там, на дороге. Скорость, с которой тот гаишник выхватил пистолет, яснее любых слов говорила Александру – справиться с таким противником он бы не смог ни при каких обстоятельствах. Издали, из винтовки – да, положил бы, как и любого другого, но в рукопашной шансов никаких.

Однако же не убили, даже подлечили. Интересно, чем? Впрочем, как раз не столь важно, главное – им от него что-то нужно, иначе не возились бы. Для серьезного анализа информации было явно недостаточно, но чтобы определиться в ситуации и не нервничать раньше времени, хватило бы и того, что уже известно. Жалко только, оружия не было, ну да на это смешно даже надеяться. Хорошо еще, одежду вернули. И кстати, информация к размышлению, которую, правда, пока неясно, к чему привязать, – динамик в интерьере палаты совершенно не вписывался, его ставили позже и, похоже, совсем недавно. Во всяком случае, мелкие сколы на штукатурке видны отчетливо.

Дверь открылась легким нажатием руки, за ней обнаружился коридор – длинный, хорошо освещенный, с белыми стенами и совершенно пустынный, если не считать здорового детину в камуфляже без знаков отличия. Очевидно, это и есть тот самый провожатый. Колоритный, надо сказать, мужик, ростом под два метра, с широченными плечами и носом, сломанным минимум дважды. Глаза его ничего не выражали, зато профессионально

ощупали Александра с ног до головы, и стрелок вдруг с некоторым неудовольствием понял – его оценили и признали неопасным. Во всяком случае, мужик жестом приказал следовать за ним и пошел по коридору впереди, очевидно нимало не опасаясь нападения со спины.

Шли не долго и не далеко, сотня метров максимум. С десятков или чуть больше, Александр не считал, одинаковых дверей по правой стене, левая – глухая. Перед очередной дверью мужик остановился, опять же недвусмысленным, не оставляющим места двойному толкованию жестом, не говоря ни слова, приказал Александру заходить, сам остался снаружи безмолвной камуфлированной статуей.

За дверь обнаружилась комната, обставленная вполне по-современному, напоминающая небольшой конференц-зал. В дальнем конце располагался стол – большой, овальный, производивший впечатление несокрушимой надежности, за столом сидели двое. Один – крепкий, моложавый, на нем даже гражданский костюм сидел как мундир, второй – полная противоположность. Ну, крыса канцелярская или сумасшедший профессор из старых комиксов, иначе и не скажешь. Худой, взлохмаченный, костюм, на вид куда дороже, чем у первого, висел на нем как на вешалке. Общим у них было, пожалуй, только одно – оба они с интересом рассматривали Александра, причем тот, переодетый военный, явно оценивающе, а второй – изучающе. Как мышь лабораторную, что ли. Точно профессор и точно сумасшедший – настоящие-то выглядят совсем иначе, ведут себя куда вальяжнее и бабло рубят дай бог каждому. Кто со студентов, а кто и с государства, присосавшись к кормушке и выдавая на-гора красивые обещания.

– Это и есть ваш знаменитый Призрак? – «Профессор», закончив, наконец, осмотр, повернулся к «военному». – Что-то не тянет на серийного убийцу.

– А он и не серийный убийца. Он убийца наемный и очень интересный. Кстати, именно потому, что он так выглядит, его и заподозрят в последнюю очередь. Александр Викторович, вы не обижайтесь, что мы так вот, беспардонно – у нас возраст все же, спишите на него маленькие слабости.

Тон вроде бы извиняющийся, но не оставлял сомнений – «военный» не извиняется, он расставляет точки над «і» и четко дает понять, кто здесь главный. Убедившись, что его поняли правильно, «военный» кивнул удовлетворенно.

– Да вы, Александр Викторович, присаживайтесь, присаживайтесь, в ногах правды нет.

– Если судить по этой поговорке, правда – в заднице.

– А он ершистый, – задумчиво отметил «профессор», обращаясь, похоже, к самому себе.

– Ничего, это даже неплохо. – «Военный» был само радушие. – Вы присаживайтесь, не бойтесь. Разговор предстоит долгий...

Пожав плечами, Александр взял первый попавшийся стул и уселся, положив руки перед собой и внимательно глядя на собеседников. «Военный» крикнул одобрително.

– Ну что же. Вижу, нас вы не боитесь.

– А чего бояться? Кого? Когда? Где?

– Не понял. – «Военный» на этот раз выглядел удивленным. «Профессор», кстати, тоже.

– А чего тут понимать? Судя по тому, что произошло, я вам нужен живым и здоровым. Это может потребоваться в единственном случае, если что-то нужно от меня. Я умею фактически только одно – стрелять. Значит, вам нужно кого-то убрать, и для этого требуется стрелок. Вы знаете мое прозвище, соответственно, и род моих занятий.

– Немного сумбурно, но в целом логично, – кивнул «военный». – Однако конкретно сейчас вы ошиблись.

– Да? – удивленно поднял брови Александр.

– Да. Вернее, частично ошиблись. Нам действительно требуются ваши услуги, но они несколько иного плана.

– Надеюсь, не сексуального? – с иронической улыбкой спросил киллер.

– Да нет, ну что вы. Мы тут все нормальные мужчины.

– Это хорошо. Кстати, имейте в виду, если после нашего разговора я выберусь отсюда, Николаича устраню сразу же.

– Почему?

– Вы могли выйти на меня только через него. Раз так, значит, он меня сдал, а прощать это я не собираюсь.

– И не жалко?

– Ни капельки. Долг свой я ему отдал уже давно. Сейчас у нас партнерство, не более, и оно предполагает определенные взаимные обязательства. Штраф за их нарушение тоже не секрет.

– Ну что же, вполне понятная жизненная позиция. Конечно, мы вашего работодателя убедили, а убеждать мы умеем, поверьте, но теплых чувств к нему не питаем, и плакать никто не собирается. Вы в своем праве. Ничего страшного, все равно Вячеслав Николаевич Жерчук, бизнесмен и советник мэра, нам уже не нужен, так что претензий не будет.

– Это надо понимать так, что шансы выбраться отсюда у меня высоки?

– Это надо понимать так, что если мы договоримся, то у нас открываются перспективы дальнейшего сотрудничества, а значит, исчезнет смысл вас устранять. Но довольно играть словами, время – деньги.

– Полностью согласен. Перейдем к делу?

– Перейдем. Но прежде мне придется кое-что вам объяснить.

– Я весь внимание.

– Не ерничайте, вам не идет. Итак, начнем с того, что вы – наемный убийца по прозвищу Призрак. Получили его за то, что всегда работаете не оставляя следов. По сути, это неверно – следы вы оставляете, просто не все ваши дела ассоциируются с Призраком. Однако следы оставляете не потому, что такой умный, вы, уж простите за откровенность, дилетант, а потому, что при расследовании не могут даже найти место, откуда вы стреляете. Причина одна – вы работаете с запредельных дистанций и никогда не промахиваетесь. Вне зависимости от оружия – лишь бы долетала пуля. Вам не кажется это странным?

– Ну, наверное, я талантливый стрелок.

– Да, стрелок вы талантливый, только талант ваш несколько иного рода, чем вы думаете. Дело в том, что вы такой не один, просто те, кто нам до сих пор был известен, работают на спецслужбы – ФСБ, ГРУ и другие.

– Другие?

– Их сейчас как блох на барбоске. Есть даже такие, о которых вы представления не имеете и до конца жизни не узнаете. И слава богу. Но мы отвлеклись, с вашего разрешения я продолжу. Итак, большинство вам подобных работают на государство. Вы же ухитрились выпасть из поля зрения специалистов, скорее всего, потому, что не были в армии. Не волнуйтесь, ваши мотивы нам тоже известны. Не могу сказать, что одобряю такую жизненную позицию, но тут уж каждый выбирает по себе. Впрочем, не важно. Главное – вы действительно не промахиваетесь благодаря своему таланту. А заключается он в том, что вы управляете не ружьем, а пулей.

– То есть?

– То есть куда захотите, туда она и полетит. В определенных пределах, конечно, все же базовую траекторию задает ваше оружие, но небольшую корректировку вы вносите сами, причем неосознанно. Пределов я не знаю, но, думаю, они не велики, не такой уж ты и исключительный талант, бывают и получше. Во всяком случае, из своей винтовки ты сегодня стрелял с километра, и не факт, что попадешь с двух, а я видал кадра, который клал пулю в пулю на две пятьсот. Однако это непринципально – главное, талант все же имеется. Ученые его

называют каким-то длинным термином, но я его не запоминал, да и тебе мозги засорять не советую. Надеюсь, суть ты понял и без этого.

На ты он перешел легко и непринужденно. Сам, наверное, даже не заметил как. Впрочем, Александр не обиделся, он вообще редко обижался всерьез, считая, что настоящая обида должна иметь последствия в виде ответной гадости, а терять на это время глупо. И уж тем более он никогда не обижался на тыканье – ему было плевать на такие мелочи. Мало ли какие у людей привычки.

– Я понял, что вы хотите мне сказать. Только зачем?

– А чтобы некоторые, в смысле, некоторые шустрые стрелки, присутствующие здесь, не зазнавались раньше времени.

– Гордыней не страдаю, – фыркнул Александр.

– Это радует. А теперь, собственно, к делу. Нам нужен человек с твоими талантами.

– У вас они есть. А судя по той парочке, с которой я имел дело, есть и покруче меня.

– У НАС, – это слово «военный» выделил очень жестко, – таких людей нет. Я работаю не на государство. Точнее, на государство, но не напрямую... Впрочем, не важно. Главное, это развязывает руки, но в некоторых случаях и мешают, ограничивает в возможностях. Даже те люди, которых ты видел, формально не наши, а, скажем так, прикомандированные. Это, согласишься, чуточку разные вещи.

– Соглашусь. А к чему такая откровенность?

– Взаимное доверие – залог будущего плодотворного сотрудничества.

– Доверие... Один хрен, всего вы мне не рассказываете.

– Ну, разумеется, – лучезарно улыбнулся собеседник. – Каждый солдат должен знать свой маневр, но маневры армии или даже полка ему знать необязательно.

– Логично. Так в чем будет заключаться моя миссия? Если уж вам никого не надо устранять...

– А вот с этого момента, – добродушное лицо «военного» вдруг как по мановению волшебной палочки стало жестким, – начинается самая настоящая государственная тайна. И ты, узнав ее, либо работаешь с нами, получая, кстати, вполне приличное жалованье, либо жить тебе осталось совсем немного. Поверь, я не шучу.

– В случае же, если я сейчас скажу, что мне не нужны ваши секреты, меня либо вынесут отсюда вперед ногами, либо светит мне огромный срок, который я все равно не досижу. Прирежут раньше, как только узнают, кто я такой, – врагов у меня накопилось предостаточно. Я правильно мыслю?

– Молодец, умный мальчик.

– Только вот что же мне помешает потом вас обмануть?

– Ничего, разумеется. Кроме того, у тебя остались мать, сестра и трое племянников. Извини, но сейчас не до сантиментов.

– Жестко... Но честно. В принципе, выбора, я так понимаю, у меня особого и нет.

– Правильно понимаешь.

– Хорошо, каков будет гонорар?

– Десять тысяч в месяц. Не рублей, естественно. И два процента от прибыли – мы ведь предприятие коммерческое.

Говоря это, «военный» дернул щекой так, словно эти слова его бесили. Александр, разумеется, заметил, но от комментариев воздержался. И без того положение незавидное, не стоило усугублять его своим длинным языком. А вот насчет гонорара следовало обсудить – предложенная сумма Александра не впечатляла.

– Увеличьте сумму впятеро. Проценты, так и быть, оставьте прежние.

– А ты нагле-е-ец, – непонятно, то ли раздраженно, то ли одобрительно протянул «военный». – Хорошо, согласен.

Судя по всему, Александр продешевил, но переигрывать, естественно, не стал – не в его правилах. Да и потом, его все же взяли за жабры, не особенно аккуратно взяли, и довольно жестко. Родственники были тем самым больным местом, которое у него имелось. Единственное больное место, пожалуй. Мать он любил, сестру и ее детей обожал... Никто не знал о родственниках Призрака, но бизнесмен Колобанов родню не скрывал, и тот, кто сложил два и два, получил нехреновый рычаг воздействия на киллера. С одним маленьким нюансом – «военный» только что подписал себе приговор. Прощать ТАКОЕ Александр не собирался. Пусть пройдет год, пусть десять, но он вспомнит ему сегодняшний разговор, и не факт, что обидчик умрет быстро.

Между тем «военный», убедившись, что Призрак глупостей делать не планирует, кивнул удовлетворенно и сказал:

– Ну, все, уважаемый рекрут. Добро пожаловать в наш сплоченный коллектив. А о твоей в нем роли лучше объяснит уважаемый Николай Михайлович.

Маленькая, едва заметная пауза между словами и реакцией «профессора» яснее всяких слов показала – имя не настоящее. Тем не менее сейчас это было не важно.

– Благодарю, Всеволод Петрович. Итак, молодой человек, приступим. Скажите, вы фантастику читаете?

– Не очень. Предпочитаю детективы, над ними порой можно посмеяться. Но в детстве, случилось, почитывал.

– Уже отрадно. Стало быть, смысл понятия «параллельные миры» вам знаком.

– Не знаю.

– В каком смысле? – Похоже, «профессор» немного удивился.

– В прямом. Я понимаю, что вкладывается в это понятие, но не могу представить параллельное трехмерное пространство.

– А-а. – «Профессор», очевидно, успокоился. – Открою вам страшную тайну. Я ведь тоже представить не могу, воображения не хватает. Но тем не менее параллельные миры существуют.

– Флаг им в руки. – Александр безразлично пожал плечами. – Я-то здесь при чем?

– Уже при чем, молодой человек, уже при чем. Дело в том, что наша... э-э-э... контора как раз и занимается исследованием параллельных миров. А так как она создана недавно, то собственных спецподразделений у нас нет. Создавать долго, брать людей взаймы, как тех, с которыми вы уже имели дело, чревато осложнениями. Вот и приходится искать талантливых и подготовленных, пусть и довольно посредственно, людей вроде вас.

«Врет», – подумал Александр, а вслух спросил:

– И в чем же в таком случае будет заключаться моя работа?

– Все очень просто. Для исследования открытого нами параллельного мира туда будет заброшен человек, в задачу которого входит разместить там сеть датчиков. Мы уже проводили подобные исследования, но последний заброс плохо кончился, наш человек погиб. Поэтому и было решено отправить с ним сопровождающего.

– Простите, но, во-первых, я не охранник, а во-вторых, тут нужна более серьезная группа.

– Объясняю. Во-первых, группу туда не закинешь, это очень энергоемкий процесс. Обратное – в разы проще, мы пока не знаем почему, хоть роту проводи, а вот туда – сил не хватит. Во-вторых, ваша задача не только и даже не столько охрана. Видите ли, помимо прочего, мы на самоокупаемости, а значит, исследования должны приносить доход.

– То есть вы хотите там что-то украсть?

– Это грубо, но, к сожалению, отражает положение вещей.

– Понятно все с вами...

Александр и впрямь многое стало понятно. Если это не дурдом, то, похоже, он нарвался на группу не слишком чистых на руку и не страдающих щепетильностью выходцев из каких-то серьезных служб, которые намерены поправить свое состояние за счет банального грабежа. Ну что ж, дело в общем-то житейское, так и работать легче. А то идеалисты могут такого натворить... Здесь же народ более-менее серьезный, меркантильность – она, того, дисциплинирует. Единственно, что плохо, – поведение таких вот умников может оказаться непредсказуемым: у спецслужб свои законы и своя мораль, Александру в общем-то неизвестные. И почему им предпочтительнее человек с темным прошлым, тоже ясно, такой не побежит сдавать, потому что тогда своя шкура гореть будет, да и избавиться от него, случись что, намного легче.

– И что же вам понятно?

– С вами можно иметь дело. Только какие гарантии, что нас, точнее, меня вернут обратно?

– Перейдете вместе с грузом или даже до него, вот и все.

– Логично. И что за миры мне предстоит... изучать? Эльфы-гномы-орки?

– А говорите, не читаете, – укоризненно погрозил пальцем «профессор».

– Да у соседки пацан на ролевых играх сдвинутый. Только и делает, что с железками своими прыгает. Задолбал уже дурацкими воплями, если честно.

– А, тогда понятно.

– И все же миры сильно отличаются от нашего?

– Нет, все проще. Пока что история всех исследованных нами миров практически точно копирует нашу, только немного отстает по времени. Есть, конечно, нюансы, но они малозначимые и практически незаметные. Теоретически, конечно, могут быть и эти, как вы говорите, эльфы, но нам ничего подобного пока что не встречалось.

– Понятно. И к чему мне готовиться?

– К сорок первому году. Кстати, что вы о нем знаете?

– Ну... Двадцать второго июня сорок первого года немецкие войска напали на СССР. Сожгли на аэродромах всю нашу авиацию, после чего принялись за сухопутные войска. Часть танков разбомбили, остальные оказались практически бесполезны против немецких, более современных. Управление войсками было потеряно, всюду окружение, Сталин массово расстреливал несправившихся командиров...

– Довольно, я понял. – «Профессор» поднял руки, то ли собираясь сдаваться в плен, то ли, напротив, начинать размахивать кулаками. – Ваши представления о той войне можно описать курсом средней школы и парой-тройкой фильмов откровенно подрывного характера. Могу вас поздравить, процесс дебилизации страны идет полным ходом.

– А вы знаете другую историю? – чуть обиделся Александр.

– Знаю. Многое было не так. Да, удар немцев по аэродромам был сильным, но несмертельным, воздушные бои с переменным успехом шли долго, и если почитать записи немецких офицеров, там сплошь и рядом написано: «Противник господствует в воздухе». Немцы передавали нас тогда за счет лучшей тактики, большего опыта... За счет того, что наступление на земле развивалось быстро и, бывало, возвращающийся после боя летчик видел на своем аэродроме вражеские танки... А наши танки, кстати, даже несколько устаревшие БТ, дрались с немцами на равных, и потери были, как правило, один к одному. Некоторые из этих танков, что интересно, дослужили до сорок пятого года и еще японцев погонять успели. Немцы просто грамотнее строили тактику, резали коммуникации, оставляя танки без горючего, их приходилось подрывать экипажам. И командование не везде допускало ошибки и котлы. Это там, где во главе армии стояли молодые да ранние, царил бардак, а старики, вроде Буденного с Ворошиловым, которых принято ругать, воевали на самом деле грамотно. Звезд

с неба не хватало, конечно, но ни одного серьезного котла на их участках фронта не было. А Павлов, к примеру, по некоторым данным, вообще был предателем.

– И зачем же тогда нам рассказывают всякую чушь? – с интересом спросил Александр, уже догадываясь, впрочем, какой будет ответ.

– А чтобы списать свои ошибки. Выбрали Сталина козлом отпущения, благо покойник возразить не может, и стали собственную вину на него перекладывать. Все как всегда. Ну а потом писаная история стала преобладать над тем, что помнили люди, тем более живых свидетелей осталось не так и много – участники первого периода войны были выбиты... Впрочем, чего уж там, скоро вы сами увидите все это.

– Именно так. Давайте не будем терять время, у нас еще много работы, – вмешался «военный». – Ну что, Александр свет Викторович, раз уж ты теперь в команде – готовься. Кстати, на вот тебе сувенир.

На стол лег очень знакомый чехол. Александр открыл – ну да, его винтовка, недавно утопленная в болоте, вычищенная и смазанная. Стараясь не делать лишних движений, он повернулся к «военному» и вопросительно поднял брови.

– Мы решили, что со знакомым оружием тебе будет проще, – ответил тот на невысказанный вопрос. – Привыкать к новому времени особо нет, операция начинается послезавтра. Так что сегодня же получишь экипировку, и начинай осваиваться. Ладно, иди. Тебя проводят.

Аудиенция, похоже, была окончена. Александр взял винтовку, встал и вышел из комнаты. За дверью его уже ждал знакомый мордovorot...

Конец этого дня и весь следующий слились в одну сплошную беготню. И дело даже не в экипировке, которую молчаливый завскладом выдал быстро и четко, и не в том, что в ней надо было еще разобраться. Куда хуже, что требовалось в кратчайшие сроки освоиться с аппаратурой, которую предстояло тащить в другой мир. А то вдруг напарника убьют или ранят. Дело в любом случае должно быть сделано – все же, несмотря на то что предполагалось кого-то там ограбить, первичными оставались научные изыскания. Это убедило Александра в том, что с родной конторой руководство фирмы и впрямь не порвало, а следовательно, с ними надо быть вдвойне осторожнее.

За все это время его не выпустили из помещения, так что Александр представления не имел, где все-таки находится. Единственное, что радовало, командировка ожидалась недолгой. Хотя тут уж как пойдет, сейчас же требовалось поспешить.

А спешили, похоже, и впрямь очень-очень – время явно поджимало. Иначе наверняка было бы спокойнее, обстоятельнее... Да Александр, готовясь к своей работе, в разы больше тратил времени только на планирование, при том что ни с какими параллельными мирами связан тогда не был. Бардак, в общем. И это притом, что он в жизни не работал с напарником, а своего нынешнего увидел буквально за два часа до отправки. Увидел, перевел взгляд на стоящих тут же «профессора» и «военного» и сказал, что никуда отправляться не собирается. На их удивленный вопрос, с чего это вдруг такие загибы, ответил – жить хочется, а с этим придурком (слово было употреблено более сочное, но в тот момент никто на него внимания не обратил) они доберутся в лучшем случае до первого патруля. И причину скепсиса тут же объяснил, просто похлопав напарника по плечу.

Плечо как плечо – широкое, мощное, накачанное, затянутое в выцветшую гимнастерку, его хозяин явно к спорту относился положительно. Гимнастерка без знаков различия, галифе... В таком прикиде человека в начале войны можно было принять и за окруженца, и за дезертира, из общей картины слегка выбивались только яловые на вид сапоги, внутри же какой-то хитрый материал, не пропускающий воду и не дающий потеть ноге. Насколько знал Александр, в тот момент далеко не все таскали сапоги, большинство – жуткого вида ботинки с обмотками, хотя он мог и ошибаться. Не ошибался он в другом: его собственная гимнастерка выгорела равномерно, а у напарника на плечах были темные полосы. Совсем

немного отличающиеся по цвету, но наблюдательный человек в два счета определит: их владелец носил погоны. Странно, какие погоны у Красной армии в сорок первом, если первую половину войны все, от рядового до маршала, носили всякие треугольники, кубари да ромбы со звездами? И что характерно, отнюдь не на плечах...

Как побелел «военный», надо было видеть. А уж начальник склада... В общем, ошибку исправили моментально, и все равно взгляд отца-командира не предвещал прощтрафившемуся завхозу ничего хорошего. Тот, понимая это, активно ежилась и потел, а Александр, глядя на сценку, гадал, то ли кто-то сразу после отправки группы получит хороших трендюлей, то ли это ему проверка. Впрочем, вряд ли, судя по тому, как психовал напарник, он был или блестящим артистом, или, напротив, живо представил себе, чем для него кончилась бы «легкая прогулка» по примитивному миру. То есть как минимум был не в курсе проблемы, а значит, скорее всего, накладка эта случайная, возникшая из-за спешки, помноженной на извечное отечественное раздолбайство. Да и к чему такие проверки, если вдуматься? Хотя, конечно, у начальства свои резоны, простым смертным неведомые.

Пока вышеупомянутое начальство молчаливо, но оттого не менее зловеще рассматривало совершивших ошибку подчиненных, явно намекая, что будет расследование на предмет диверсии, Александр успел познакомиться с напарником. Молодой парнишка, ровесник – всего на полгода старше его. Аспирант. Профессор и впрямь оказался профессором, без всяких кавычек. Правда, своего руководителя он тоже называл Николаем Михайловичем, видимо, определенную разъяснительную работу с ним провели. В экспедиции участвовал по предложению профессора, надеясь совместить в одном флаконе работу над диссертацией, щекочущее нервы приключение и заработок. Воспринимал все как какую-то игру – нормальная реакция домашнего мальчика, которого никогда и никто всерьез не бил. Пообещали ребенку бочку варенья и корзину печенья, он и побежал, радостно повизгивая. Ладно, ничего страшного, чего он стоит на самом деле, живо станет ясно там, на другом конце перехода. Тем более его нанимателей интересует проделанная работа, а не то, чтобы исполнители остались целыми и невредимыми. Свои мысли Александр, правда, оставил при себе – пусть его. Для него все это роли в общем-то не играло.

Между тем отцы-командиры, закончив наводить порядок, решили, видимо, что хватит молодежи общаться, успеют еще друг другу надоест. Лишних в темпе вальса выпроводили из помещения, после чего Александр с Павлом – так звали аспиранта – двинулись вслед за профессором вниз, в подвал. Может, и не в подвал, а на нижний уровень, что-то подсказывало Александру, что они находились под землей. Что? Он и сам сказать не мог, возможно, отсутствие окон, возможно, звукоизоляция, а может быть, промозглая сырость, с которой не могла справиться вентиляция. Впрочем, это уже не так важно – главное, операция началась, а мучительная неизвестность, действующая на нервы, напротив, закончилась.

Подвал, скажем прямо, не впечатлял. Ни тебе мерцающих разноцветными лампами пультов, как в фантастических фильмах, ни столов с вонючими пробирками, ни кристаллов-амулетов. Даже молнии между железяками не прыгали. Железяк, надо сказать, тоже не наблюдалось, разве что на пожарном щите на стене положенные лом, багор, лопата (она-то для чего?), топор, ведро, огнетушитель... Квадратное помещение размером двадцать на двадцать, практически пустое, только в углу столик с компьютером. Обычный офисный стол с обычным офисным креслом и не менее обычным компьютером.

Все было готово, очевидно, заранее. Профессор щелкнул по клавиатуре, и тотчас же в центре помещения заколебался воздух. Ничего, кстати, особо зрелищного, будто на включенную электроплиту смотришь, тоже горячий воздух виден.

– Все запомнили? У вас четверо суток. – Профессор повторил то, что Александр уже слышал раз двадцать, но ученого это не смущало. Он, наверное, из тех, кто считает, что повторение – мать учения, и, может статься, не так уж и не прав. – Если будете понимать,

что не успеете выполнить задачу, бросайте все и возвращайтесь. Если по каким-то причинам не успеете вернуться – ждите. Переход откроется, неизвестно точно когда, но откроется. Максимальное время между открытием в данный момент составляло не более полутора месяцев. Переживете, ничего страшного.

Александр молча кивнул: понял, мол, не дурак, Павел тоже не стал много разговаривать. Профессор кивнул понимающе и махнул рукой:

– Ну, все. С Богом.

– Удачи, ребята. – Это уже «военный».

Александр снова кивнул и, согнувшись под тяжестью навьюченного на спину груза и ящиков в обеих руках, решительно шагнул в слабо колеблющееся море.

Никаких неприятных ощущений переход, как ему и было обещано, не доставил. Просто картинка сменилась, будто программу в телевизоре переключили. Только что был освещенный искусственным белым светом подвал – и вот уже лес. Веселый такой лес, светлый и, такое ощущение, прозрачный, из деревьев в основном березы. Судя по тому, что многие деревья тронуты желтизной, – или самый конец августа, или начало сентября. Скорее все-таки август – лист пока что не сыплется.

Сзади охнул, не сумев сдержать восхищения, Павел. Александр повернулся, поднес к губам палец – тихо, мол. Напарник часто-часто закивал, показывая, что понял, но по-прежнему таранился вокруг себя круглыми от удивления глазами. Похоже, он до последней минуты не верил в реальность происходящего.

Не тратя времени на мысли о сущем, Александр быстро огляделся. Ну да, все как его и предупреждали – заброшенная, изрядно поросшая кустарником, но вроде бы проезжая лесная дорога и ни души. Просто замечательно!

За спиной Павла в последний раз колыхнулся воздух. Ну, все, переход закрылся, откроется только по их команде. Времени, кстати, не так уж и много, пора приступать.

– Ну, чего встал? Давай, размещаем аппаратуру...

Легкая грубость в его голосе вернула напарника к реальности. Кивнув, он сбросил рюкзак и быстрыми, заученными до автоматизма движениями начал сборку ретранслятора. Александр тем временем, брезгливо отмахиваясь от упорно норвящей попасть в лицо омерзительно-липкой паутины, которой между деревьями было натянуто просто нереальное количество, быстро обошел вокруг, осматриваясь, заодно установив первый круг датчиков. Остальные можно было размещать уже где угодно, чем дальше – тем лучше. Какие уж параметры снимала и передавала в родной мир через спешно монтируемый Павлом ретранслятор вся эта машинерия, Александр не знал и даже не интересовался. На то, чтобы в столь тонких материях разбираться, есть вон аспиранты с профессурой, а он со своими десятью классами человек более приземленный. Его сейчас интересует предстоящее дело и деньги, что он получит за импровизированную командировку.

Когда он вернулся к точке перехода, Павел как раз заканчивал возиться с аппаратурой. Сейчас он был главным, техника – его вотчина, и оспаривать старшинство Александр не собирался. Увидев, как он вышел из леса, Павел сразу же замахал рукой – помощи, мол. Вдвоем они установили громоздкий ретранслятор, который потому и пришлось тащить в разобранном на несколько блоков виде, что был он попросту большим и неподъемным. Установили, развернули как надо. Пришлось, конечно, попотеть – с полчаса работали лопатами, выкопали яму, в которой ретранслятор и расположился. Потом присыпали землей, замаскировали. Мера вынужденная, конечно, просто иначе ретранслятор торчал бы, как звездолет посреди деревни, а о его существовании и тем более местоположении местным знать абсолютно незачем.

Управившись с работой, отважные исследователи иных миров примяли своими пятнами сухую траву – законный перекур, куда же без него. Александр откинулся

на спину, бездумно глядя на редкие облака, Павел выудил из кармана слегка помятую пачку «Беломора». Закурил – и тут же зашелся в надсадном кашле.

– Что, Данила-мастер, не выходит цветок каменный? – ехидно поинтересовался Александр. Сам он курить бросил давным-давно, почти сразу как начал, – слишком уж рационален был, чтобы тратить здоровье и деньги на эту никому не нужную забаву. Бросание было перенесено не успевшим привыкнуть к вредной привычке организмом без малейшего усилия, и сейчас киллер мог позволить себе с легкой улыбкой наблюдать за мучениями других.

– Как они... кхе... курят эту гадость? – с трудом преодолевая кашель, откликнулся Павел.

– Ну, извини, – Александр развел руками, – «Кэмел» здесь еще не в ходу. И вообще, бросай курить, вставай на лыжи – здоровьем обижен не будешь...

– Не учи отца, и баста...

– Надо же, какие мы слова знаем. – Александр, сжалившись над мучениями напарника, достал портсигар. Выдали ему курево, как и Павлу, для маскировки, здесь, по словам профессора, многие курили, и человек без табака несколько выделялся. Только вот он поступил чуть умнее, набив портсигар нормальными сигаретами, лишь фильтры у них поотрывал. – На, держи, помни мою доброту.

Павел, справившийся, наконец, с кашлем, притоптал каблуком отечественный горлодер и, благодарно кивнув, с наслаждением задымил более цивилизованным табаком. Воистину все познается в сравнении. Усмехнувшись, Александр назидательно поднял палец:

– Запомни, кто не пьет и не курит, тот оттягивает свой конец, а кто курит и пьет, тот кончает раком.

Павел пару секунд переваривал его слова. Потом до него, видимо, дошло, и он жизнерадостно заржал. Атмосфера после немудреной шутки моментально разрядилась, чего, собственно, стрелок и добивался.

Подождав, пока напарник отсмеется и докурит, Александр встал:

– Ну что, пошли?

– Может, переночуем и тогда? Время есть...

– Лучше заранее придем на место и посмотримся – мало ли что. Да и время еще часа три, вряд ли больше, так что давай экипируйся – и с Богом.

Спорить аспирант не стал, уверенным, выдающим опытного туриста движением закинул на спину хорошо подогнанный рюкзак, набитый датчиками, поперек груди повесил автомат. При виде его ППД у Александра в голове будто щелкнуло, он протянул руку:

– Ну-ка, дай...

Напарник удивленно посмотрел на него, но протестовать не попытался – молча отдал оружие, выжидательно глядя на Александра. Тот проверил автомат, усмехнулся, все было донельзя предсказуемо, а тем, кто их сюда отправлял, стоило бы набить морды.

– Десяток патронов из диска достань.

– Зачем? – не понял его Павел.

– Затем, что при полностью набитом дисковом магазине перекося патрона и заклинка оружия для этого автомата – проблема. Сам не пробовал, но рисковать неохота, тем более в специальной литературе об этом упоминается через строчку. Давай, давай, и запасной диск тоже облегчи, что ты как маленький. Вот, посмотри, как у меня.

Смотреть Павел не стал, поверил на слово. Раскрыл диск, неловко извлек часть боезапаса, подобрал выпавшие патроны, сунул в карман. Второй диск тоже подвергся экзекуции. Александр кивнул – его диски были именно так и заряжены. После этого Павел несколько раз подпрыгнул, проверяя, не гремит ли что, видать, подсмотрел в каком-то фильме. В армии он, как успел выяснить Александр, тоже не служил, так что подсмотрел, иначе и знать неоткуда. Ну и ладно. Чуть подумав, он последовал примеру напарника. Нет, у обоих ничего не

болталось, производя ненужный шум, и через пару минут импровизированная разведывательно-диверсионная группа уже шагала по лесу в направлении, указанном на базе.

Идти было не так и далеко, километров двадцать, но двадцать километров по шоссе и по полузаросшей дороге – это несколько разные вещи. Тем более топать налегке или согнувшись под тяжестью навьюченного оружия и приборов. Хорошо еще, Павел тащил практически все датчики, периодически их устанавливая. Александру же оборудования досталось немного, зато он нес запас провизии и, помимо ППД, тащил два гранатомета. Винтовку, по здравом размышлении, на этот раз не брал, вроде бы воевать на дальней дистанции пока не планировалось. Если ко всему этому добавить «броник» армейского образца, несложно догадаться, что уже через час языки у обоих висели на плечах, а гимнастерки от пота изрядно потемнели и неприятно царапали плечи.

Бронежилет, кстати, выбивался из образа совершенно, но когда он сказал об этом перед отправкой, от него отмахнулись: мол, надо будет – скинешь, а если что, отбрехаешься, скажешь, с немца убитого снял. Там сейчас такая неразбериха, черт ногу сломит, прокатит и не такое. Тем более толковых знатоков немецкой амуниции в Красной армии пока немного – не поднаторели еще в использовании трофеев, опыта нет. Ну, начальству виднее, тем более в бою от дополнительной защиты хуже точно не будет.

В общем, до места они не добрались, просто рухнули без сил. Слабовата подготовка оказалась, и, кстати, слабым звеном оказался Александр – привык за рулем рассекать, а сейчас выносливости не хватило. Павел выглядел малость получше, но и он держался скорее на гордости, поэтому напарники решили не надрывать, благо времени и впрямь еще хватало, почти сутки в запасе, а завтра предстояла тяжелая работа.

Вымотались они настолько, что спали без задних ног, хотя в лесу ночью и было прохладно. Павел, кстати, умело разжег костер, неспешно горевший всю ночь и дававший ровный жар. Вначале договорились дежурить, Павел должен был стоять на страже первым, Александр – вторым. Эту вахту он выбрал не случайно – под утро спать хочется больше, и потому стоять ее самому как-то надежнее. Увы, Павла сон сморил прямо на посту, напарника он не разбудил, и в результате оба продряхли всю ночь. Слава богу, ничего не случилось, и в свете этого Александр утром не стал проводить разбор полетов, а Павел, соответственно, оправдываться.

К месту предстоящей акции они вышли почти в полдень. Собственно, это тоже была дорога, только наезженная и пыльная. Та дорога, по которой они шли, с этой пересекалась, но работать напарники решили чуть в стороне, так, на всякий случай, и, пообедав холодными консервами, отошли на пару километров, держась от дороги метрах в ста. Дело в том, что по этому сельскому шоссе то и дело проезжали транспортные средства, и поодиночке, и целыми колоннами, причем транспорт все сплошь армейский – архаичного вида бронетранспортеры, не менее раритетные грузовики и мотоциклы, даже танк один раз гусеницами пролязгал. И на всем этом красовались кресты. Даже на некоторых машинах явно отечественного производства, на бортах которых выделялись пятна свежей краски, наверное, от покрашенных звезд, были кресты. Немецкий порядок, чтоб его... В грузовиках наблюдались немецкие солдаты. Самые настоящие гансы, как в какой-нибудь старой кинохронике. Павел, как в первый раз увидел, обалдело уставился на них, открыв рот. Александр отнесся к этому намного спокойнее – все же для него это были не более чем потенциальные мишени. Специфика работы приучила его относиться к таким вот кандидатам на должность трупов несколько отстраненно.

Кстати, далеко не все фрицы шуровали на мотоколесгах. Хватало и обычных подвод, многие и вовсе шли пешком, и войск было до хрена, очень похоже, где-то назревала крупная заваруха. Однако ближе к вечеру, как по мановению волшебной палочки, поток начал рас-

сасываться, и в засаде напарники устроились вполне комфортно, без лишней спешки. Как оказалось, вовремя.

Не прошло и часа, как в точно указанное отцами-командирами время на дороге появились транспортные средства в количестве шести единиц. Первыми бодро катили два мотоцикла с пулеметами, установленными на колясках, за ними рычал мотором колесный бронетранспортер. Дальше шли две тентованные полуторки, замыкал все это безобразие еще один бронированный монстр. На сей раз несерьезного вида пушечный броневичок, из тех, что в свое время, перед войной, массово производились в СССР. Очевидно, фрицы прихватизировали трофей и теперь использовали его по назначению, то есть для охраны колонны, состоящей из таких же трофейных полуторок. Интересно, что же они такое везли, что для охраны этого барахла не пожалели аж две единицы бронетехники?

РПГ – это вещь, которой просто обязан уметь пользоваться любой уважающий себя киллер. Александр себя уважал и, хотя стрелять из гранатомета ему раньше доводилось только на полигоне, отработал на пять баллов. Пропустив мотоциклистов, он вляпал прямой наводкой в головной бронетранспортер и тут же, отбросив разряженное оружие, пальнул в замыкающий колонну броневичок. Промахнуться с такой дистанции было проблематично. Трофей, не так и долго проходивший под немецкими знаменами, вывернулся буквально наизнанку, из всех щелей хлестнуло пламя, корпус раскрылся во все стороны стальными лепестками, башенка с сорокапятимиллиметровой пушечкой взлетела вверх и со звоном, которому позавидовал бы церковный колокол, брякнулась на дорогу. Удивительно, но даже оглушенный близкими взрывами Александр услышал этот звон. Очевидно, в броневике взорвалась боеукладка, и экипаж погиб прежде, чем сумел что-либо сообразить.

Бронетранспортер, идущий впереди, погиб не столь зрелищно – ни тебе взрывов, ни прочих спецэффектов. Тем не менее лениво горел, и, что характерно, выбраться из него никто не пытался. В борту его зияла дыра. «Ну да, эту машину из винтовки запросто изрешетить можно», – вспомнил Александр, но предаваться размышлениям времени не было. Работа только началась, и стоило поторопиться, пока кто-нибудь не подъехал.

Слева раздался треск ППД. Павел не оплошал, в ступор впадать не собирался и попросту садил из своего автомата в спину байкерам, шустро и бестолково. Тем не менее попал – один из мотоциклов съехал в кювет, да там и остался. Оба немца не подавали признаков жизни. Второй же лихо развернулся и попер на засаду, поливая лес из МГ: немцы попались не робкого десятка, и кое-какие шансы у них были. Вот только они неправильно определили место, из которого работал автоматчик, и их очередь прошла левее. В ответ по ним отработали два автомата, заливая дорогу ливнем пуль, сейчас избыточная скорострельность этого не очень удачного оружия пошла на пользу, и немцы доехали до места боя уже в виде трупов.

Не теряя времени даром, Александр выпустил остаток магазина по кабине второй полуторки. Та, что шла первой, была надежно заблокирована подбитым бронетранспортером, зато вторая имела шанс задним ходом протиснуться мимо броневика, тот был заметно меньше немецкого, да и стоял так, что дорогу полностью не перекрывал. Правда, шанс этот мог быть реализован только в случае, если водитель полуторки не потеряет голову от страха и сумеет моментально сообразить, что происходит. Хлипкий шанс, конечно, но Александр рисковать не собирался.

Матерясь про себя на неудобный магазин, он перезарядил автомат, причесал из него головную полуторку и, пригибаясь, бегом кинулся к ней. Рядом тут же свистнула пуля – один из гансов успел мешком вывалиться из кабины и, вместо того чтобы сваливать в лес, залег за передним колесом. Стрелять в него из автомата означало повредить машину, а как раз она-то нужна в целости. Поэтому Александр прыгнул в сторону, сбивая немцу прицел и одновременно выдирая из кармана галифе ТТ. Выстрелы прозвучали почти одновременно,

немец успел передернуть затвор своего маузера, но прицелиться толком времени у него уже не оставалось. Пуля ушла довольно далеко в сторону, зато Александр не промахнулся...

Ну, первая половина дела сделана, груз захватили быстро, даже ни одного колеса не прострелили. Теперь оставалось главное – доставить его к себе, то есть в точку перехода, а оттуда в свой мир. Александр рывком открыл дверь ближайшей полуторки, деревянную, настолько грубую, что художники-примитивисты удавились бы от зависти. Сразу же из кабины на него свалилось тело водителя, моментально отправившееся в кювет, дабы не мешалось. Окинув взглядом внутренности кабины, предотвращая возможные сюрпризы, Александр залез внутрь, посмотрел на щиток приборов... М-дя-а, обстановка спартанская. И как на таких гробах, спрашивается, ездили? Тем не менее на первый взгляд этот пепелац вполне соответствовал описаниям и инструкциям, которые ему выдавали перед отправкой сюда. Замечательно. Даже мотор не заглох, тарахтит себе, будто ничего и не произошло. Крепкую технику делали предки, пусть и неказистую.

Александр выпрыгнул из кабины и увидел Павла, в нерешительности топчущегося возле второй машины. Чего он, спрашивается, ждет?

– Эй, ты чего там? Заснул? Или привидение увидел?

Вместо ответа, парень согнулся пополам и начал блевать столь истоиво, что казалось, намеревался оставить на дороге не только содержимое желудка, но и собственные кишки. Причина стала ясна, как только Александр подошел ближе: одна из его пуль разорвала водителю сонную артерию, и вся кабина была теперь заляпана быстро подсыхающей кровью. Сидящий рядом с ним солдат тоже был мертв, но здесь обошлось без спецэффектов – две пули в голове, крови почти нет, хотя мозги, конечно, брызнули, слегка добавив серого на красном фоне, а вот водитель... Да, подвел он Александра, подвел. Хорошо еще, эта машина тоже не заглохла, Александр не был уверен в том, что сумеет ее завести.

Двумя полновесными, но аккуратными оплеухами вернув напарника к реальности, он достал флягу и, рывком повернув его лицом к себе, вылил половину содержимого Павлу на голову. Вторую половину немного пришедший в себя парень выхлебал в два глотка.

– Ну что, пришел в себя? – Видя утвердительный кивок, Александр толкнул Павла к первой машине. – Съезжай к обочине.

Пока тот разбирался с управлением, Александр полез в кабину второй полуторки и только сейчас сообразил, что держит в руке винтовку, взятую у пытавшегося убить его солдата. Вот что значит правильные рефлексy, он ведь не то чтобы о ней забыл, даже не обратил внимания, как взял это оружие. Ну и ладно. Привычным движением забросив трофей за спину, Александр выволок из машины обоих немцев, кое-как вытер то, до чего достал, содраным с фрица кителем и полез на место водителя. Да-а... И как они здесь ездили? Александру за рулем было попросту тесно. К тому же в машине не наблюдалось никаких полезных приблуд вроде гидроусилителя руля или регулирования рулевой колонки. Ну и пес с ними, не так долго ему предстояло управлять этим рыдваном.

Машина тронулась на удивление мягко, видать, прежний водила любил свою машину. А может, немцы подшаманили, у них техники всегда на высоте. Вот только руль оказался ожидаемо тяжелым, Александр хотя и умел водить грузовик, но с полуторкой современные агрегаты сравнивать было бы некорректно. Тем не менее объехать сдавшую к обочине машину Павла он смог вполне уверенно и, подрулив к загораживающему дорогу броневика, осторожно уперся в него бампером. Раз-два, взяли! В смысле, толкнули! Протестующе заскрипел сгибающийся бампер. Броневику как стоял, так и остался стоять, не обращая внимания на потуги грузовичка с его убогим и насквозь устаревшим двигателем.

Глухо выругавшись, Александр выпрыгнул из машины, кое-как раскрыл дверцу уже прекратившего гореть бронированного пепелаца. В лицо пахло жаром и подгоревшим мясом, но на это он не обратил внимания. Ну да, так и есть... Вытащив труп водителя, Алек-

сандр попытался переключить передачу на нейтралку и взвыл, когда моментально чувствительно обжег руку. Пришлось обматывать ее найденной в кабине полуторки тряпкой. Пару минут усилий, сдобренных всем известными словами на великом и могучем, и броневик все же соизволил поддаться усилиям русского человека, упокоившись в уже изрядно набитом всякой дрянью кювете.

Проехав метров двадцать, Александр остановился, выпрыгнул из кабины и, ругаясь сквозь зубы, побежал назад мимо полуторки удивленно смотрящего на него Павла. В темпе добравшись до места засады, Александр подхватил оба гранатомета и так же бегом вернулся к машине. Бросил разряженное оружие в кабину, прыгнул следом сам, больно ударившись коленом о какую-то железяку – ну все, вот теперь и впрямь можно было делать ноги.

Дальше педаль в пол – и погнали. Хотя погнали, разумеется, преувеличение. Километров двадцать в час, не более, по такой дороге да на таких машинах уже достижение, правда, тут и ехать-то всего ничего. Однако чуть было не проскочили мимо нужной отворотки, слишком уж она была заросшей и с основного тракта просматривалась с усилием. Тем не менее Александр успел ее рассмотреть, резко нажал на тормоз, и его машина тут же вздрогнула от чувствительного толчка, Павел затормозить не успел, шел впритирку, а реакции не хватило. Высунувшись из автомобиля и погрозив ему кулаком, Александр выкрутил руль и, как кабан в тростник, вломился на полузаросшую дорогу.

По ней пришлось ехать больше двух часов, все-таки убита она была окончательно. Благо было сухо, а то пару раз существовал риск застрять, берега небольших ручьев, сейчас пересохшие, после дождей наверняка превращались в грязное месиво, а брошенные через них подобия гати давно пришли в полную негодность. Тем не менее обе полуторки с честью выдержали незапланированный марафон и вскоре уже стояли на знакомой, ничуть не изменившейся со вчерашнего дня поляне, рядом с тем местом, где ноги первопроходцев впервые ступили на эту землю.

– Работай! – крикнул Александр напарнику, высунувшись из кабины. Ситуация выбила его из колеи и заставила всерьез понервничать. Проще говоря, для Колобанова это был новый опыт, раньше в его задачу входило только стрелять, а не захватывать крупногабаритные трофеи, сваливая и увозя их потом в грузовике. Нельзя сказать, что ощущения были приятными. Немцев-то он не боялся, они народ умный. Даже если увидят побоище, мигом сосчитают трупы и придут к выводу, что колонну атаковала крупная группа, возможно, даже воинская часть, а значит, и ловить их надо соответствующими силами. Другого варианта они, скорее всего, и не предполагают – издержки упорядоченного мышления, мозги у них определенным образом заточены. Ну а пока силы будут собирать, время-то и уйдет. Умом Александр все это понимал, но все равно нервничал.

– Уже. – Напарник возился с пультом, больше всего похожим на «лентяйку» от телевизора, разве что больше да массивнее. – Подожди немного.

Над аппаратурой Павел колдовал минуту, может, чуть больше – знойное марево, возникшее вдруг над поляной, ясно показало, что переход открыт. Александр притопил газ, и его машина осторожно двинулась вперед, чтобы спустя пару секунд оказаться в подвале, с которого и началось путешествие. Не дожидаясь продолжения банкета, он продвинулся вперед, но все равно грузовик Павла снова чувствительно толкнул его агрегат, водителем напарник оказался посредственным.

Заглушив мотор и выпрыгнув из кабины, Александр еще увидел, как медленно закрывается переход. Ничего, кстати, особенного, просто подернулся туманной дымкой и исчез. Из своей кабины вылез Павел, судя по тому, как его шатало, устал он в поездке здорово.

– Ты что, права на вокзале купил? – с усмешкой поинтересовался Александр.

– Обижает, начальник, честно в карты выиграл, – в тон ему ответил Павел. – Ф-фу-у, ну и поездочка.

– Хотел приключений? Вот тебе их обратная сторона, – ухмыльнулся Александр. – Кстати, я не понял, с чего это мы тут все еще одни? Где комитет по встрече с водкой и народными танцами? Хлеб-соль можно не предлагать, переживу как-нибудь, а вот девок обязательно.

Павел на хохму не повелся: и впрямь устал, но требование Александра без внимания не осталось.

– Комитет здесь. – Тяжелая дверь открылась, пропуская «военного» с профессором. – Ну что, молодежь, как скатались?

– Весело, – отозвался Павел. Он, похоже, окончательно оклемался от пережитого на дороге шока. – Груз принимать будете? А то обидно, если окажется, что мы зря туда-сюда мотались.

Вместо ответа, профессор подхватил топор с пожарного щита и легко, как молодой, запрыгнул в кузов ближайшей машины, нырнул под тент. Короткий лязг, и пару секунд спустя все собравшиеся уже могли лицезреть его довольно лыбящуюся харю и поднятый вверх большой палец.

– Порядок!

– Что там? – Павла распирало от любопытства.

Александр поморщился: уж если так интересно, мог и сам, еще в том мире, пару ящиков расковырять, пока время было. Не сделал, чего уж теперь-то дергаться? Самому Александру интересно не было ни капельки. Меньше знаешь – крепче спишь.

– От многих знаний много горя, – словно прочитав его мысли, ответил профессор. – Зато могу, если интересно, озвучить ваши гонорары, благо они у вас одинаковые.

Напарник захотел. Профессор озвучил. Народ впечатлился. Да, за такие деньги можно было работать. Более того. За такие деньги НУЖНО было работать. И почему так не платят, к примеру, слесарю? Живо бы преступность на ноль сошла. Вот теперь и Александру стало по-настоящему интересно, что же такое они сюда приволокли, если их ничтожный в общем-то процент весит так много. Правда, свой интерес он предпочел никому не демонстрировать, мало ли как отнесется к этому присутствующее здесь начальство.

Полчаса спустя, уже ополоснувшиеся под душем и одетые в свою привычную одежду, они сидели в кабинете «военного», пили горячий чай и докладывали о ходе операции. Докладывал в основном Павел, язык у парня подвешен что надо, мысли формулировал четко и грамотно. Будущий ученый, положение обязывает. При этом, рассказывая, он успевал между словами отхлебывать из кружки и ни разу не сбился. Александр даже немного позавидовал, ему бы такой язык, милое дело девок улаживать. А еще он завидовал цвету напитка, потребляемого напарником. У Павла чай был крепким аж до черноты, а Александр такой роскоши позволить себе не мог: в свое время, лет пять назад, упал, ударился головой и получил легкое сотрясение мозга. Мелочь, не заслуживающая вроде бы внимания, но вот крепкий чай пить не мог, моментально начинало тошнить. При этом кофе пил любой крепости без всяких последствий, такой вот хитрый выверт организма. И ведь, что обидно, любил-то он как раз крепкий чай, а пить приходилось то, что сам же с усмешкой называл мочой больного поросенка. Обидно...

Сам он тоже в стороне от разговора не остался, периодически вставляя свои комментарии, но редкие и малозначимые, в целом Павел картину происходящего схватывал четко и детально, память имел хорошую и в дополнениях теперь не очень-то и нуждался. Короче говоря, к концу доклада Александр уже немного заскучал и оживился, только когда им с напарником выдали гонорары. Не наличными, естественно, а новомодными пластиковыми картами, на которые деньги уже были переведены. Ну, перевели их сейчас, дело это минутное, хотя на счет они поступят в лучшем случае завтра, а вот карты оформляются долго.

Месяц надо, не меньше. Выходит, эта контора знала о Призраке и готовилась наложить на него свою мягкую, но сильную лапу уже давно.

После этого профессор умотал по каким-то своим делам, Павла отпустили отдыхать, ибо здесь было уже далеко за полночь, а вот Александра «военный» попросил остаться, став в тот момент невероятно похожим на папашу Мюллера из незабвенного сериала. Просьбы же начальства, как известно, приравниваются к приказу и выполняются по команде «Бегом!», поэтому он даже не попытался спорить. Просто остался сидеть на месте и рассматривать «военного», а тот в свою очередь рассматривал его.

– Ну, что скажешь о своем напарнике? – спросил «военный», когда пауза несколько затянулась.

– О Павле? – Александр пожал плечами. – Нормальный пацан. Труса не празднует, под огнем не обделался, здоровья вагон. Необученный, правда, совсем, ну да это дело наживное. Жмура сегодня своего первого положил, это ясно, но оклемался быстро. А что?

– Мы предполагаем сделать вас постоянной группой. Как смотришь?

– Нормально.

«Военный» неопределенно хмыкнул, потом кивнул словно бы не Александру, а собственным мыслям и сказал:

– А теперь давай спрашивай.

– О чем?

– А о том, что тебя нервирует. Наверняка ведь у тебя куча непонятных моментов имеется.

– Имеется. Например, мне непонятно, почему выбрали именно меня. Насколько мне известно, всякой спецуры, оставшейся не у дел, хватает. Человек, прошедший спецподготовку и имеющий реальный боевой опыт, а не только стрелявший из засады, как я, наверняка с подобными задачами справится лучше. Да и, честно говоря, физическая подготовка у такого умника будет классом выше, чем у нас.

– На то есть две причины. – «Военный» подумал секунду, потом достал сигареты. – Не возражаешь, если закурю?

– Вообще-то вы здесь хозяин.

– Некоторые, как и ты, бросившие курить, на дух табачный дым не переносят, а мне не хотелось бы напрягать собеседника.

– Да плевать. Я к дыму отношусь безразлично.

– Ну, это замечательно. – «Военный» закурил, выпустил густой клуб синего дыма, прямо как не слишком новый мотор при запуске. – Итак, тому две причины. Одну из них я объясню тебе чуть позже, вторая же проста. Всех этих спецов натаскивало государство. Я имею в виду настоящих спецов, не призывников, а тех, кого готовили серьезно и вдумчиво. У них весьма специфические рефлексy, и многим, что называется, за державу обидно. Вполне нормальная реакция, кстати. Вот только, оказавшись в той ситуации, в которой были вы, они могли, к примеру, начать собственную войну или же броситься очертя голову, к примеру, в Москву к Сталину, чтобы войну переиграть. По-человечески их вполне понять можно, и осудить рука не поднимается, но дело бы осталось несделанным, а это чревато. Ты же пошел, сделал и вернулся. Рациональный и в достаточной степени подготовленный человек, не связанный особыми моральными принципами, именно такой нам в данном случае необходим.

– Это было так предсказуемо?

– Ну, разумеется. Твой психологический портрет составлен достаточно давно.

– И что еще говорит мой психологический портрет?

– К примеру, ты меня при случае убить собираешься. За намек, что родные твои у нас в заложниках оказываются. Кстати, не советую, кто предупрежден – тот вооружен. Еще вопросы?

– Почему вы так по-дурачки проводили мою вербовку? Мне всегда казалось, что люди из серьезных контор работают тоньше.

– Заметил? Просто замечательно. Это маленький тест на наблюдательность и сообразительность. Вопрос возник, следовательно, ты его прошел.

– Зачем для того, чтобы сделать предложение, выгодное, не скрою, предложение, вы меня скрутили? Можно было бы вначале поговорить.

– А ты бы согласился? Очень сомневаюсь. Для начала ты бы просто не поверил, принял бы нас за психов. Ну а когда бы мы тебя все же убедили, стал искать способ отказаться. Поверь, эти варианты перебирались, и был выбран оптимальный. Еще что-нибудь интересует?

– Каковы мои шансы остаться в живых после всей этой катавасии?

– А вот сейчас я тебе объясню первую из причин того, что нас заинтересовал именно ты. После этого о своих шансах думай сам, идет? – И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Для начала разреши представиться. Колобанов Илья Анатольевич, полковник ФСБ в отставке.

– Однофамильцы? – с интересом посмотрел на него Александр. Фамилия у него была не то чтобы редкая, но и на каждом углу такую не услышишь.

– Родственники, – сухо ответил собеседник. – Мог бы и сам догадаться, не маленький. Именно то, что ты мой сколько-то юродный племянник, и повлияло на выбор.

– Очень интересно. Однако мне про вас никто ничего не рассказывал. Мать – а я ведь взял ее фамилию – ни о каких дальних родственниках ничего не говорила.

– Естественно, не говорила, она и не знала. История давняя... Если хочешь и не устал, я тебе расскажу.

– Рассказывайте. – Александр налил еще чаю, щедро сыпанул в кружку сахару и, зацепив с тарелки горсть соленых крекеров, пересел в стоящее у стены офисное кресло, большое и удобное. – Спешить все равно некуда. Тем более интересно же.

– Это точно. Итак, что ты знаешь про своих предков времен Гражданской войны?

– Ну, мой прадед воевал на стороне красных.

– И как он туда попал? – остро взглянул на него Илья Анатольевич. – Ты в курсе, кем он был до революции?

– Управляющим небольшой паровой компанией в Питере.

– То есть человеком не бедным. И как же он стал красным?

– Насколько я знаю, у него дочь, сестра моей бабушки, старшая, кажется, во время революции погибла. Причем по вине то ли казаков, то ли еще кого-то, кто потом белых поддерживал.

– Да, так и было. И что ты еще знаешь?

– Служил. Был грамотный и неглупый, дошел до командира батальона. Ходил с Тухачевским на Польшу, там попал в плен. Поляков, как мне рассказывали, после этого ненавидел люто...

– Ну, в принципе, историю своего рода ты знаешь. Так вот, мой дед был братом твоего прадеда. Только оказался он на стороне белых. Воевал, и неплохо, до штабс-капитана дослужился. Ушел из Крыма с Врангелем, а потом вернулся вместе со Слащевым.

– Слащев-вешатель?

– Булгакова начитался? Ну да, был за Слащевым такой грешок, подавлял большевистское подполье, что, кстати, абсолютно нормально, и повесил нескольких руководителей – в то время тоже в порядке вещей. Кстати, там в руководстве были практически одни евреи, и его потом обвиняли в антисемитизме, надо сказать абсолютно незаслуженно. Евреи впоследствии хлопнули генерала, ну да это к делу не относится. Это уже совсем другая история, я потом тебе расскажу, если захочешь, а пока вернемся к нашим баранам. Итак, мой дед вернулся в Россию и, что интересно, никаким гонениям не подвергался. В Отечественную

войну снова был призван, дослужился до майора, орденов на кителе, помню, столько было, что пулей не прошибешь. Его сын, мой отец, выбрал профессию военного, ну а я пошел по безопасности. Вот, в принципе, и все. О том, что у меня в России остались родственники, узнал года три назад, когда уже на вольные хлеба ушел, начал искать. Ну и нашел, причем, согласись, очень удачно.

– Интересная сказка. – Александр потер переносицу. – Даже если это правда, все равно как-то нереально получается.

– Можешь поверить, бывают и покруче совпадения.

– Бывают, – согласился Александр. – Ладно, пусть так. А вопрос можно? Не в тему.

– Задавай.

– Вот скажите... Меня этот вопрос как раз из-за прадеда интересует. Что там с Польшей было? А то всякое пишут, до сих пор понять не могу, кто прав, кто виноват.

– Да никто не прав. Были когда-то две соперничающие державы, причем Польша была сильнее. Про Лжедмитрия слышал? Тогда ведь наши предки еле отбились, потеряв огромные территории, включая Киев. Обидно и сильно ударяло по престижу. Но сменилась эпоха, и Польша резко отстала. Ее армия была хороша на фоне средневековых, но на определенном этапе пришло время регулярных армий, и здесь ничего серьезного поляки создать не смогли. У них и страна-то фактически распалась: слабые короли, не имеющие реальной власти, огромная куча дворян, которые тянули одеяло во все стороны. Закономерно, что потом их съели. Кусок Польши отошел России. Сомнительное, кстати, приобретение, но не суть. Когда произошла революция, этот огрызок тоже получил самостоятельность, на международном уровне была обговорена и согласована граница. А полякам захотелось большего, ну, они под шумок и хапнули то, что им ни с какой стороны не принадлежало. Тухачевский, с которым, между прочим, тоже не все ясно, полез отбивать, получил по сопатке, и куча народу оказалась у поляков в плену. С пленными обращались, мягко говоря, сурово. Знаешь, немцы со своими концлагерями и близко к полякам не стояли...

– За это им и устроили Катынь?

– Не повторяй глупостей, которые по ящику несут, дураком выглядеть не будешь. Там все куда проще. Была в лагере группа поляков. Началась война, про них банально забыли. Ну, не было в тот момент ни сил, ни времени еще и этими трусами заниматься.

– Почему трусами?

– Да потому, что вместо того, чтобы родину защищать от немцев, они к нам сбежали. Россия свои территории, которые поляки наглým образом украли, назад взяла, а эти умники были никому не нужным довеском. Так что их просто оставили, а немцы, соответственно, не знали, что с ними делать, и покрошили. Теперь же они немцам претензии бояться предъявлять, а перед нами выдвигаются как могут. Ну, ничего, – рука отставного полковника произвольно сжалась в кулак, – им это еще отрыгнется. Как, удовлетворил я твое любопытство?

– В общем-то да.

– Тогда вернемся к нашим баранам. Итак, если ты не хочешь дальше сотрудничать, мы тебя просто отпустим. Нет, не совсем просто, вывезем подальше. Ты даже не знаешь, где мы находимся, а в сказки о параллельных мирах никто не поверит. Если же согласишься, условия ты знаешь.

– Пожалуй, соглашусь, деньги хорошие, да и интересно же... Но Николаича в таком случае мне по-любому валить надо. Если я начинаю работать на вас, Призрак должен исчезнуть.

– Давно соскочить хотел?

– Давно.

– И правильно. Ничем хорошим игры в чикагских гангстеров не кончаются. Ладно, завтра вас с Павлом отвезут в город, там и разберешься со своим Николаичем. Дней десять, может, больше у вас будет. И вот еще что. Раз уж будете с Павлом работать вместе, проследи за мальчишкой, чтобы стресс снял и не сорвался. В бордель его своди, что ли...

– Да легко. Только, сдастся мне, этот не сорвется.

– Я тоже так полагаю, но подстраховаться все равно стоит.

– Ладно, а как мне узнать, когда и куда возвращаться?

– Я тебе позвоню, за вами приедут.

На этой минорной ноте высокие договаривающиеся стороны и распрощались. Александр пошел спать, но, хотя и сильно устал, заснуть не мог долго, лежал, глядя в потолок, и обдумывал грядущие перспективы. По всему выходило, дело светит интересное и денежное. Работа, конечно, с риском, но ведь и профессия киллера не самая спокойная. Вновь обретенный родственник – это, конечно, тоже интересно, но тонкие материи сейчас волновали меньше всего. Жил без дальних родственников и еще проживет, хотя, конечно, полкан этот – мужик серьезный и поучиться у него явно есть чему.

В город их отвезли на следующий день, ближе к вечеру. С утра дали выспаться, и Александр давил на массу почти до обеда, потом был новый разговор с профессором, на сей раз они с Павлом были у работодателя поодиночке, и их обоих заставляли, независимо друг от друга, вспоминать каждую мелочь, что была во время того рейда. Вечером отпустили отдыхать, честно предупредив, что перед дорогой им придется выпить одну не самую приятную на вкус дрянью, от которой оба заснут на полчаса, может, минут на сорок, то есть ровно настолько, чтобы не определить место, откуда они едут. На чуть обиженный вопрос Павла о недоверии последовал вполне логичный ответ, что недоверием здесь и не пахнет. Просто-напросто в жизни случается всякое, и развязать язык можно любому, но тот, кто не знает, не сможет и рассказать. Павел моментально заткнулся, до него, похоже, начало доходить, что игры, в которые он ввязался, намного опаснее, чем представлялось на первый взгляд.

Они проспали почти всю дорогу. Забросили их к самому подъезду дома, в котором располагалась «публичная» квартира Александра, и он, недолго думая, предложил напарнику зайти, а уже потом идти развлекаться. Павел, секунду подумав, согласился. Как стало известно, жил аспирант в общежитии, и так прожить всю жизнь ему не хотелось. Потому, в принципе, на предложение своего руководителя и согласился. Ну, не только поэтому, разумеется, денежный вопрос стоял в числе основных. Теперь же после первого рейда мечта о собственной жилплощади стала реальностью, и настроение у парня было самое фестивальное, а как же, денег хватало и на квартиру, и на обстановку, и еще на многое. Правда, Александр ему посоветовал не торопиться, слишком резко образовавшееся богатство может привлечь нездоровое внимание, ну да это Павел и сам понимал. Впрочем, у него были какие-то свои идеи по тому, как объяснить неожиданные доходы, и Александр не стал спрашивать какие – не мальчик, сам разберется.

К родителям Павел тоже ехать не собирался, мать его сейчас в темпе вальса пыталась наладить личную жизнь, так что сыну, конечно, была бы рада, но... Именно это и служило камнем преткновения, так что идею товарища зайти к нему, а потом вместе отправиться куда-нибудь и хорошенько оттянуться Павел воспринял со здоровым энтузиазмом, тем более одет был вполне цивильно, хотя и недорого.

Выбравшись из неновой, но приличной «тойоты», на которой их привезли (Александр мысленно одобрил выбор начальства – в глаза такая машина уж точно не бросается), напарники поднялись в квартиру. По дороге, буквально на пороге своего подъезда, Александр вежливо раскланялся со средних лет дамой, проживающей двумя этажами ниже, которая ему вполне искренне улыбнулась. Непонятно почему, но на таких женщин средних лет он всегда производил самое благоприятное впечатление. Потом, почти сразу, он прошипел сквозь зубы

приветствие бабушке с первого этажа, и она ответила ему тем же – друг друга они взаимно не любили. Бабка, ярая коммунистка, считала его, как, впрочем, и всех обеспеченных людей, сволочью, разворовывающей народное достояние, Александр в свою очередь относился к ней как к выжившей из ума маразматичке. Единственно, неприятно было ощущать, что в чем-то бабка, в одночасье потерявшая все, включая веру в светлое будущее, права, но об этом он умел заставлять себя не думать. В общем, нормальная ситуация, обычные человеческие отношения между жильцами. Из-за этих отношений Александр, если честно, и лелеял мечту о собственном доме, где ни на кого не придется оглядываться.

В квартире он сразу полез под душ, сказав напарнику, чтобы тот осваивался. Тот и освоился: когда хозяин, оставляя за собой мокрые следы, прошлепал в комнату, Павел уже всю гонял чертиков на экране компьютера. Судя по грохоту и ненатуральным стонам, доносящимся из колонок, он был в компьютерных стрелялках-убивалках настоящим профи. В отличие, кстати, от Александра, который подобные игры недолюбливал, предпочитая что-нибудь неторопливое, над которым можно посидеть и подумать. «Цивилизацию» там, «Героев меча и магии»... Хотя, если честно, и в эти игры играл от случая к случаю, редко включая компьютер и держа его исключительно как дорогую игрушку. Работать на нем он и вовсе не умел – издержки воспитания, в первый раз такую машинку он увидел, когда ему было уже довольно много лет, и специально управлять ею не учился.

Подняв на него глаза, Павел заявил, что комп классный. А у них на кафедре старье жуткое. Александр кивнул, предложил ему оторваться от увлекательного времяпрепровождения и привести себя в порядок – на вечер запланирован ресторан. Там хоть и бывает иной раз всякая шваль, но зачем выглядеть как шаромыжник? А компьютер Павел себе и без того сейчас купит, какой душа пожелает.

Самым тяжелым оказалось подобрать напарнику свежую рубашку, тот все же был на пару сантиметров выше Александра. Два сантиметра – мелочь, а вот заметно более широкие плечи и общая мускулистость – это уже хуже. Хорошо еще, сам Александр предпочитал одежду просторную, не стесняющую движений, тем не менее из его гардероба напарнику подошла только легкая белая рубашка с коротким рукавом. Ну и ладно, ничего страшного, все равно сверху будет пиджак.

Сам Александр тоже оделся в костюм, который страшно не любил, но в котором выглядел серьезно и представительно. Спустя час оба, плюхнувшись в такси, отправились развлекаться и чуть-чуть снимать стресс, хотя, если честно, случившееся приключение прошло без особой нервозности – лихие девяностые воспитали циничных людей и к ценности человеческой жизни приучили относиться скептически.

В ресторане сразу стало ясно, что аспирант подобными заведениями не избалован. Впрочем, после второй рюмки он разомлел, расслабился и, наворачивая бифштекс, стал с интересом рассматривать шуршащих туда-сюда официанточек. Обратив внимание на то, как он зацепился взглядом за одну, невысокую и черненькую, Александр усмехнулся:

– Да не тушуйся ты так, Люба – девочка отзывчивая. Захочешь – даст.

– В смысле?

– Да в прямом. Шлюхами в прямом смысле этого понятия работниц местного общепита не назовешь, но к денежному клиенту отношение у них очень лояльное. Издержки профессии. Так что хочешь – попробуй. Деньги у тебя есть.

Деньги были – Александр, которого жаба никогда не прессовала, выдал ему с собой штуку баксов, естественно, рублями. Потом, мол, сочтутся, а мужчина должен иметь при себе деньги хотя бы для того, чтобы чувствовать себя уверенно. Однако после его слов об отзывчивости настроение у напарника разом исчезло, что и неудивительно. Александр и сам брезговал снимать официанток, так что к реакции Павла отнесся с пониманием и предложил выпить еще. А женщины... Да будут еще женщины, никуда не денутся.

Поковырявшись еще какое-то время в тарелке и, в точном соответствии с поговоркой, вернув себе аппетит, напарник некоторое время сосредоточенно жевал так, что уши двигались. Даже темные, наполовину прикрывающие их волосы не могли этого скрыть. Однако через некоторое время он, вернув себе душевное равновесие, старательно пряча глаза, поинтересовался у Александра:

– А скажи, правда, что ты... – Тут он замялся, подбирая слова.

Александр усмехнулся и избавил его от необходимости подбирать корректное выражение:

– Правда.

– А как это...

– Нормально. Работа как работа.

Павел хотел еще что-то спросить, но, видя, что разговор на эту тему, равно как и ее дальнейшее развитие, не доставляет собеседнику удовольствия, промолчал. Оценив его деликатность, Александр принялся развлекать напарника разговором, описывая тех, кто сидел в ресторане:

– ...Вон там, в углу, ужинает какой-то мелкий чин из прокуратуры. Заведение не из дешевых, а на ужин он сюда ходит каждый день. Интересно даже, что за зарплаты у прокурорских. А через два столика от него видишь двоих в штатском? Тот, что с лысиной, – подполковник милиции, а второй – владелец трех магазинов на Бродвее. На нашем Бродвее, естественно. Вон там, по соседству, – это из мэрии пацанчик девочку склеивает. Видал, как перья распушил? А ведь ничего собой не представляет, так, принеси-подай. И что интересно, девочку он клеит частенько, по ресторанам их водит – тоже. Неплохо живут «слуги народа», а? А тот усатый хмырь, что глазами на нас зыркает, местными скинами заправляет. Они меня не любят страшно, года два назад мы с приятелем поймали троих, настучали по зубам так, что стоматологи озолотились, а одному я руку сломал.

– За что?

– А нехрен «Зиг хайль!» перед памятником орать, уроды... Есть вещи, которых нельзя делать никогда. Вот мы им это и объяснили. Они потом наехать вздумали, но им деликатно намекнули, что связываться не стоит. Вот и злятся, а сделать ничего не могут, скоты. Хотя этот вот, кстати, не из фанатов, скорее, он хитрая и продуманная сволочь, которая много чего со всего этого имеет. А вон там, в стороне, видишь, чернявые за столиком? Дагестанцы празднуют что-то, похоже. Самое смешное, ни с какой стороны не криминал – обычные коммерсанты, вполне приличные люди. Бандюки здесь не тусуются, они в других местах зависают. А эти, что интересно, сами их не любят – стереотип, который из-за таких вот земляков о кавказцах сложился, мешает им со страшной силой. А поздно уже, теперь не один десяток лет пройдет, прежде чем все утрясется.

– И часто здесь собирается такой... серпентарий?

– Да, почитай, каждый день. Состав участников, конечно, немного меняется, а так – постоянно.

Павел замолчал, о чем-то задумавшись, и Александр, воспользовавшись моментом, тоже отдал должное мясу в своей тарелке. Дальше принесли бутылку водки, и понеслось. Вроде бы что такое одна бутылка для двух крепких мужчин, тем не менее обоих хорошенько развезло, очевидно, сказалась усталость, и полчаса спустя они уже, пошатываясь, шли домой. Поездку «к девочкам» решили отложить до завтра, а такси вызывать не было желания – идти-то пятнадцать минут, заодно и проветриться, может, получится.

Увы, чем вымощена дорога в ад, всем известно. Буквально через сотню шагов до них донесся буцающий звук ударов и кошачий мяв, который так любят издавать каратисты. Потом из плохо освещенного переулочка буквально вылетел взъерошенный пацанчик, совсем недавно сидевший за соседним столом, тот, из мэрии. Перебирал ногами с такой скоростью,

будто ему дали хорошего пинка. А может, и впрямь дали. Бежал, что характерно, молча, только глаза выпучил, глянул мельком на прохожих и помчался дальше. Переглянувшись, напарники, не сговариваясь, свернули в ту сторону, откуда выскочил паникующий молоко-сос, и метров через пятнадцать, за поворотом, обнаружили вполне нормальную по нынешним временам и подспудно ожидаемую картину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.